

■ Т Р И У М Ф Ы ■

РАДОСТИ ЛЮБВИ

Древнеиндийская лирика в переводах
СЕРГЕЯ СЕВЕРЦЕВА

МОСКВА
ВРЕМЯ
2007

ББК 84(0)4
Р15

Оформление, макет серии
Валерия Калныньша

В книге использована графика
Леонида Фе́йнберга

© Сергей Северцев, наследники, перевод, 2007
© Юрий Цветков, сопроводительная статья, 2007
© «Время», 2007

ЗНАКИ СЧАСТЬЯ ЛЮБОВНОГО

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Царапинку между крутых заострённых грудей
ей ноготь любимого словно на память оставил,
Она то прикроет рукой эту свежую метку,
то снова откроет, чтоб разглядеть получше,
Глянет — и сразу же вспомнит, как упоённо
груди её этой ночью ласкал счастливец,
И милую ранку скорей под одеждой прячет,
будто бедняк, найдя рубин драгоценный.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

С рассвета, едва поднялась родня,
ручной попугай передразнивать начал
Подслушанные им ночью в спальне
вздохи и шепоты юных супругов.
И вспыхнув смущённо, жена молодая
с детскою песенкой бьёт в ладоши,
Спеша заглушить браслетами звонкими
птицы предательскую болтовню.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

В тьме ночи муж и жена тайком
отправились порознь к своим любимым
И, в роще свиданий нечаянно встретясь,
во мраке друг друга узнать не смогли.
Оба горели от жажды любовной,
оба добились желанной цели.
Что ж скажем теперь: как поступят они,
когда внезапно узнают друг друга?

АМАРУКА

Оставшись одни в полутьме, они, не стыдясь,
с улыбкою нежной на ложе своё глядели,
И в радостных взорах жажда любви росла
вместе с поспешностью их разгоравшейся страсти;
И даже наутро, в присутствии старших, они —
молодожёны, чьи взоры полны блаженства,
Не могут об этом забыть: встречаясь глазами,
с трудом они подавляют счастливый смех.

ДИМБОКА

Ручной попугай — любимец семейства —
трещит из клетки: «Поесть мне дай,
Не то всему дому сейчас расскажу я
про всё, что вы делали ночью тайком!»
И рдеет лицо молодой жены,
склонясь от стыда, но со скрытой улыбкой,
Прелестно, как лотос весенний, склонённый
под тяжестью пчёл — её прядей густых.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Увы, мой любимый! То, что ты чувствовал втайне, —
уж таково единство двух наших жизней, —
Я чувствую тоже сейчас — и с какой остротою!
А иначе ранка, что на твоей губе, —
Конечно же, след от игр с любовницей дерзкой
(я знаю, в тот миг от мучительной страсти глаза
Она закатила), ужель столь ничтожная ранка
могла бы меня столь глубокою болью жечь?

МАГХА

Следы его ногтей алеют на груди,
но их нетрудно скрыть под лёгкой тканью,
И ранку на укушенной губе
заклеить лепестком цветочным можно,
Но счастья тайного свидания не скрыть:
оно вокруг тебя, как аромат бесстыдный,
Разносится, — и все четыре ветра
тебя в супружеской измене уличат.

ДАКША

У этой красавицы ланеглазой
грудь, золотистая от шафрана,
В чёрточках алых — свежих следах,
что ей ногтями провёл любимый;
Они — словно дивные письма, —
начертанные на пластинке медной, —
Законы, что юным провозглашает
стрелок из лука — лукавый бог.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

С утра ручной попугай принялся,
 видно, решив позабавить старших,
Слова тайнослазкие повторять,
 что новобрачная ночью шептала,
Но майна — пернатая пересмешница —
 нежно-стыдливой желая помочь,
Прячась вблизи, прервала болтуна,
 его напугав — словно кот, замаявав.

СОННОКА

«Ты, подружка, наверно, лежала
на цветах чампаки в саду,
Видишь, грудь у тебя в пылице, —
что на ней за красные полосы?»
«Брось намёки, не будь назойливой,
не считай себя слишком умной,
Да, цветы я сбирала, — и грудь
исцарапали мне колючки!»

МУРАРИ

Драгоценный камень небесной тверди
над Восточной горой ширит луч свой первый,
Открывающий медленно недра мрака, —
и, простясь с обладателем новым своим,
Молодая беспутница стёрла с него
нарисованный мускусом знак крокодила:
Грудь её украшал этот знак, а теперь
на груди у счастливица — его отпечаток.

МУРАРИ

Поутру новобрачная молодая,
 опуская смущённо лицо, не желает
Утолить любопытство подруг, спешащих
 расспросить о тайнах прошедшей ночи,
Но когда они грудь ей искусно узорят,
 нежной кожи частые содроганья
Говорят им, что ночью в порыве страстном
 ей супруг ногтями измучил груди.

КАВИМАЛЛА

Эти звёзды, что кружат в небесном зените,
можно счесть за пригоршни ярких ракушек, —
На доску их поспешно бросают руки
игроков, распалённых растущей злостью,
А луна, чей брильянтовый блеск померк
в ожиданье рассвета, теперь похожа
На округлый, тонкий кусочек мела,
игроками положенный возле доски.

МУРАРИ

Чем быстрее стареет луна, тем гуще
 небеса застилает мгла, будто дым
Поднялся над солнечными камнями,
 из которых вот-вот забрызжет огонь.
Хоть ещё не взошёл Повелитель Лучей,
 но уже, приближаясь, к себе он влечёт
Заточённых в сомкнувшихся лотосах пчёл,
 как магнит влечёт крупинки железа.

МУРАРИ

Звёзды теперь бесцветней,
 чем перья созревшего лука,
Солнце коснулось востока
 лишь несколькими остриями.
Луна же уносит свой диск,
 ставший бледней паутины,
И, в полумгле тускнея,
 целует Западный Холм.

МУРАРИ

Вчера на закате лотос
 сотни своих лепестков
Один за другим погибал —
 вёл счёт лучам уходящим.
Теперь же он вновь лепестки
 один за другим отгибает —
Ему сосчитать любопытно:
 а все ли вернулись лучи?

МУРАРИ

Лотосов лепестки тугие
на створки раковины похожи:
Вечером вволю напьются тьмы
и плотно смыкаются до рассвета.
Когда ж раскрываются на заре,
они эту тьму исторгают роем
В цветке ночевавших, взлетающих пчёл,
похожих на горстки чёрных жемчужин.

РАДЖАШЕКХАРА

Столько звёзд осталось, что сосчитать нетрудно,
да к тому же они, как цветы тагары, бледны.
Огонёчки ламп, готовых уже уснуть,
золотистыми стали, как острия куркумы.
В этот час предрассветный похожей стала луна
на холодную, тусклую ртуть, зато на востоке
Потеплел небосвод — по цвету сравниться может
с дорогим, отлично выдержанным вином.

РАДЖАШЕКХАРА

Две-три звезды ещё чуть мерцают,
 подобно старым жемчужинам.
Чакоры дремлют, — они разомлели,
 упившись лунным сияньем.
Луна, бледна, как пустые соты,
 на Западный Холм опустилась,
Восточный же край всё задорней, ярче
 блестит, как глаза котёнка.

ВАСУКАЛЬПА

Мрак всё слабеет, но наши глаза
ещё не привыкли отчётливо видеть;
Жёны оделись уже, но покинуть
своих повелителей не спешат;
По обе стороны речки слышно
уток любовное бормотанье,
Но всё ещё медлят они взлететь
и устремиться навстречу друг другу.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Солнце с горящим от гнева лицом
чёрную тьму разметало, прогнало,
Лотосам, ночью замкнутым, велело
снова раскрыться и выпустить пчёл,
А пчёлам, чёрным, как ночь, приказало
проснуться, взлететь, за труды приняться...
«Увы, мы погибли! Мы тоже чёрные!» —
в страхе вороны вопят на заре.

ЙОГЕШВАРА

Увидев, что Месяц, её супруг,
по воле судьбы покидает небо,
Криками птичьими плачет Ночь,
тьму распустив — свои пряди густые,
И, звёзды роняя — жемчужины слёз,
она, как вдова на костёр погребальный,
Несёт своё тело в жертву огню —
к заре, разгорающейся на востоке.

РАДЖАШЕКХАРА

Луна, как серебряный шар,
 потонула в Западном море,
Алмазные звёзды теперь
 на капли воды похожи,
Пламя светильников бледно,
 как амарант пожелтый,
Зато на востоке небо
 красней, чем глаза чакоры.

БХАТТА ШИВАСВАМИ

Слон лучистого дня пробудился,
звёзды гаснувшие разметав,
Горделивый, с небесного ложа
лишь теперь он изволил встать,
А из уха его громадного,
шнур истёртых лучей порвав,
Покатился запятнанный месяц,
будто раковина-серьга.

БХАТТА ШИВАСВАМИ

**Вот солнечный шар огневой
всё море тьмы выпивает,
Как некогда мудрый Агастья
до дна осушил океан.**

**И словно из глуби морской
спруты, киты, крокодилы,
Всплывают холмы и хребты,
являя себя нашим взорам.**

ДИМБОКА

Паломники ночь провели на улице, —
их от мучительной стужи спасали
Широкие стёганные одеяла,
грубые, сшитые из лоскутов.
Но вот рассвело, — и чисто, созвучно
они поют, горожан пробуждая,
Песню о тайных, счастливых встречах
прекрасного Мадхавы с юной Радхой.

ЮНОСТЬ

ВИРЬЯМИТРА

Вот становятся всё изящней брови,
 что-то новое всё видней в глазах,
И упругий изгиб груди появился,
 о начале юности возвестив;
А меж тем всё ясней в голоске, ещё детском,
 песнь любви, — из сладчайшего создана
Эта песнь — даже трудно понять, из чего:
 из нектара ли, мёда или блаженства?

РАДЖАШЕКХАРА

Они уже растрёпами не ходят,
а учатся затейливым причёскам,
Следят за белизной зубов, и платья
стараются потуже затянуть,
Играть бровями пробуют... Всё ярче
игривость глаз, двусмысленней слова,
Всё больше смелости, лукавства, — как легко,
как незаметно детство входит в юность!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Хватит на улицу бегать!

Хватит шалить да резвиться!

Ты что? Всё никак не бросишь
глупые детские игры?

Да ты погляди-ка, дочка:

так раздались твои бёдра,

Что юбка совсем стала тесной —
может вот-вот порваться!

БХОДЖЬЯ-ДЭВА

Подружка моя! Много-много раз,
 когда я гуляла в манговой роще,
Легко вливалось пенье кукушки
 в раковины моих ушей.
А этой весной, услышав её пенье,
 я вдруг задрожала, взор помутился,
И сердце так странно, так сладко заныло, —
 скажи, умоляю тебя: почему?

ВАЛЛАНА

Наши женщины юное тело его и сейчас бы
 ради милой шутки узорами разрисовали,
До сих пор считая ребёнком его, — а он
 уклоняется, в сердце скрывает свои желанья;
Если ж с глазу на глаз останется с ним одна
 из красавиц наших, в лицо ему глянет нежно,
Он потупится и улыбнётся... Как отрок наш изменился,
 в красоту расцветающей юности облачён!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Робка ещё слишком, чтоб высказать мнение своё,
а спросят её — только милой головкой качает,
Все тайные мысли одной лишь любимой подруге
порой доверяет, — но всё ж ученицей она
Способной становится: быстрые взгляды всё ярче,
и телу её — всем прелестным частям — предстоит
Искусством любви овладеть!.. Ах, как бесподобна
девочка на повороте к девическим дням!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Вот бровь изящней гнуться научилась,
чуть-чуть косят глаза, походка томной стала,
Улыбка всё загадочней, а голос
обманчивей, уклончивей звучит,
И ни наставники, ни мать с отцом, ни книги
ей не нужны, когда приходит юность:
Она сама — и очень скоро — сможет
всем тонким девичьим искусством овладеть.

ВИРЬЯМИТРА

Тело её — дивный остров, и беспрерывно
его омывают волны нектарного моря —
Моря живой красоты, и кажется: именно здесь
все прелести юности ранней вступили в сговор, —
Приют наслаждений они создают из свежих
лоз виноградных, и вот в их тени прохладной
Благословенный Владыка любви очнулся:
ещё не проснулся — нежится в полусне.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Часто к женщинам ходит, что старше её и смелей,
и охотно внимает рассказам об их похождениях,
А потом, среди младших подруг, каждый этот рассказ,
как на сцене, с улыбками, с жестами им повторяет.
Хоть она уже знает, кто сердцу желаннее всех,
но к нему не пойдёт, — такова её ранняя юность,
И однако как раз потому, что она такова,
лишь ещё привлекательней весь её девичий облик.

ШАТАНАНДА

Вот потянулась, — поднятые руки
уже мечтающие обнимать,
Соединясь над юною головкой,
сплели прелестных пальцев стебельки.
Ах, до чего ж стройна живая арка
девичьих этих, гибко свитых рук!
Не вход ли это в храм, где скоро будет
чудесный праздник Божества любви?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Ещё полудитя, подолгу смотрит
на свой живот с пупком — прелестной ямкой,
Глядит через плечо, тайком любуясь
на красоту округлостей упругих,
Потом до боли стягивает пояс
на юном стане — хочет быть стройней.
Но всё ещё к застенчивости льнёт,
ей доверяя, как подруге детства.

РАДЖАШЕКХАРА

Стройный стан её, плечи, руки — всё тело
как по морю плывёт, по хрустальному морю
Красоты чистейшей, а грудь и бёдра
всё полней наливаются и расцветают;
Разгоняя остатки невинности детской,
взор чудесно играет... И в самом деле
Сердце девушки этой оленеглазой
с юной женственностью уже знакомо.

СУДДОКА

Как походка медлительна, как красивы
и пышны эти бёдра, как тонок стан,
Как заманчив изгиб этих острых грудей,
мало слов, но зато как улыбка мила,
А глаза — как прелестно они танцуют
под играющими стебельками бровей!
А давно ль была девочкой? Как же возникло
это чудо пленительное предо мной?

РАДЖАШЕКХАРА

Пока ещё учится тонкая бровь
лишь первым приёмам лукавого танца,
Глаза словно спелые ягоды стали,
и груди готовы уже расцвести.
Становится талия гибче и тоньше,
а плечи — полнее, а бёдра — круглей...
Так Юность готовит дары для подруги,
своей соучастницы близкой — Любви.

УТПАЛАРАДЖА

И в прошлом году, дорогая подружка,
и в позапрошлом такой же ветер,
Душистый ветер дул с Малабара,
и так же кукушки пели в лесах.
Но сердце моё оставалось беспечным,
не знала я, для чего мне сердце,
А этой весной оно стало другим —
что с ним случилось, не понимаю.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Когда детство в смятении отступает,
как властитель, в сражении побеждённый,
А девичество, гордое, как победитель,
все богатства своих наслаждений несёт,
То как будто померяться силой спешат
Бог любви с Владыкою опьянения:
Кто быстрее и пышнее цветы красоты
распустить сумеет на юном теле?

МОЛОДЫЕ КРАСАВИЦЫ

РАДЖАШЕКХАРА

Ожерельем жемчужным охвачена шея,
белой пудрой камфарной осыпана грудь,
Руки, плечи — в душистом сандаловом масле,
стебли лотосов свежих — браслеты её:
Эта стройная дева в мерцающем шёлке —
как богиня прохладно-лучистой луны,
Что тайком соскользнула на землю, покинув
свой престол серебристый, плывущий в зенит.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Красавиц юных лёгкая походка,
 когда они приходят и уходят,
Их глаз лукавые, косые взгляды,
 звучанье сладкое небрежных слов —
Не счесть разнообразного оружия,
 которым нас пронзает Камадэва:
Чтоб побеждать, ему совсем не нужно
учиться трудным тайнам колдовства.

РАДЖАШЕКХАРА

Славлю женщин я дивноликих,
их глаза чудесные славлю,
Ведь они победить сумели
даже грозно-трёхглазого Шиву, —
Хоть и сжёг он разгневанным взором
легкомысленного Камадэву,
Но лукавые взоры женщин
вновь проказника воскресили.

ВАККУТА

В домах у богачей ручные попугаи
рдеть заставляют женщин молодых,
Когда, прося поесть, нахально и смешно
полночным шёпотам влюблённых подражают:
«Желанная моя, твой Полли хочет слив,
таких, как щёчки у тебя, румяных!
Твой милый Полли хочет горстку вишен,
таких же сладеньких, как губки у тебя!»

АЧАЛАСИМХА

Будь доблестным мужем, земные хвалы заслужи,
и дух твой, быть может, тогда в облака вознесётся,
А будешь из облака брошен дождейкою в море,
возможно, ты в яркую раковину попадёшь.
Той раковине доведётся, быть может, блеснуть
в цветном ожерелии — в самой его середине,
И только тогда, наконец, удостоишься ты
сладчайшей награды: играть между грудей высоких.

ДХАРМАКАРА

И лотосы, и луна стремятся
сиянью лица твоего подражать —
Любви оружием победоносному,
стольких сердец путеводной звезде,
Но тщетно соперничать им с тобой
и вот почему хладноликий Месяц
Так часто лотосам запрещает
их лепестки по ночам раскрывать.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

«Сперва кирками меня дробили,
потом крошили между камнями,
В жестокий огонь бросали меня,
потом в воде ледяной топили, —
Вот муки, которыми я заслужил
Столь дивно-почётное положение!» —
Так звякает златочеканный пояс
на бёдрах красавицы молодой.

АНАНДАВАРДХАНА

Поистине океан бесчувствен,
если его своенравный прибой
Не возбуждён и не взбудоражен
твоим улыбающимся лицом.
О ты, чаровница моя чуткоглазая,
разве блистанье твоей красоты
Не наполняет сейчас всю землю,
и море, и небо — до самых краёв?

ВАЧАСПАТИ

Вот ты касаешься груди её высокой,
прилёг на соблазнительные бёдра,

И более того: обвив рукою гибкой,
она тебе дарует наслажденье

Искусной лаской пальцев-лепестков!

Ответь же нам, ситар сладкозвонящий:

Что за дела святыя совершил ты,
коль удостоился теперь таких наград?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Как мне назвать её: нежным бальзамом
для глаз моих или морем красот?
Хранительницей озёрных лилий
или волшебной лозой любви?
Гляжу на лучистость я этой девы
оленглазой — и сразу вижу:
Всё прочее в этом гнетущем мире —
не что иное, как мёртвый груз.

ВИРЬЯМИТРА

Видно ошибся Творец: вместо лилий
создал чудесные эти глаза,
Лицо — вместо лотоса, а вместо ягод,
спутавшись, губы её сотворил.
Но если сам бог так много напутал,
творя сей шатёр для любовных чар,
Как нам, неразумным земным созданиям,
последнего разума не потерять?

ДХАРМАКИРТИ

Взглянул бы хоть раз на неё Творец —
не отпустил бы её — не расстался бы
С этой прелестницей оленеглазой,
с её золотисто-шафранным лицом.
А если б глаза он смежил в созерцанье,
не смог воссоздать бы такого облика!
Видно, правдиво ученье буддистов:
всё в этом мире — несотворённое.

МУРАРИ

Лицо твоё, госпожа моя,
в соперничестве с Луною
Склонило легко в свою сторону
чашу небесных весов,
И пусть на чашу с Луною
все звёзды гирьками сыплются —
Навряд ли им всем перевесить
красу твоего лица!

БХАВАБХУТИ

Она — хранительница дивных кладов,
таящих груды нежности и ласки,
Чертог, где собраны со всей вселенной
редчайшие творенья красоты.
Ещё не всё, мой друг: пришлось соединить
нектар, цвет лотосов и лунный свет, —
Поистине над обликом её
трудился тот, чьё имя — Камадэва.

БХЕРИБХРАМАКА

Брось полвзгляда, моя гладкобёдрая, —
 может Кама убрать свои стрелы,
Пусть лоза твоей брови поднимется, —
 может Кама свой лук опустить,
А польётся твой голос пленительный,
 нежно-ласковый, чуть прерывистый, —
Звон всех струн на земле покажется
 барабанного гуда грубей.

КАЛИДАСА

Каким был Творец, создавая её —
живую луну с притягательным блеском?
Иль это был друг свиданий любовных,
даритель свежих цветов — Апрель?
Как мог этот Старый Аскет, отупевший
от вечного чтенья священных вед,
Все страсти отвергший, как мог сотворить он
созданье столь сладкое, радость сердец?

BECHA

САМГХАШРИ

Полный лотосов пруд в розоватых бутонах опять,
ночи стали короче, а дивный сапфир небосвода
Словно сбросил с себя одеянья, надетые в стужу,
и теперь всё смелее блистает во всей красоте.
Дни весны настают, и протяжные зовы кукушек,
и душистые ветры, пьянящие запахом манго,
Будто в сговор вступили сейчас, чтобы ранить больней
души женщин, с возлюбленными разлучённых.

ШРИКАНТА

Ветерок, аромат доносящий
от сандаловых рощ Малабара,
Сладкозвучные зовы кукушек
из душистой листвы весенней
Да укромная сень беседок,
оплетённых свежими лозами, —
Вот что волны новых желаний
пробуждают в сердцах мужчин.

РАДЖАШЕКХАРА

На сладких чашечках цветущей джамбу
сидят недвижно пчёлы, захмелев.
Решив, что это ягоды поспели,
клюют их попугаи — и бросают.
Но и пчела, взгляни, неверно судит
о попугае, как листва, зелёном:
Как на цветок, летит, не сомневаясь,
в раскрытый ярко-красный клюв.

МУРАРИ

Кукушки, пьяны от нектара, трясут побеги
цветущих манго, — и так их пыльца обильна,
Что, с веток нападав, буграми лежит вдоль речки,
и через сыпучие эти бугры с трудом
Перебираются лани лесные, пугаясь
охотничьих стрел, — и всё же взгляни: перебравшись,
Они отдохнуть в безопасности могут, — следы их
исчезли уже под летящею с веток пылью.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Пчёлы громко жужжат, но лишь в гуще жасмина,
а деревья, хоть с виду красивей стали,
Всё ещё не цветут, даже пышного манго
до сих пор бутоны не распустились.
Но уже распустились в сердцах красавиц
их томившее долго узлы обиды.
Это — силы весны! Разве сами смогли бы
развязаться упрямые эти узлы?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Цветущая ветка ашоки подобна
 висящему всем напоказ посланью,
Что красною краской любовь начертала, —
 цветы — будто яркие строчки, и в них
Вызов звучит: «Каждый путник, посмевающий
 весною подругу свою покинуть,
Усталый, разлукой измученный, может
 пройти подо мной, если хватит сил!»

МАНОВИНОДА

Крикнул южный ветер: «Снова идёт весна!

К нам из дальних стран спешит на призыв кукушек!»

И сейчас же в награду за эту счастливую весть

начинает подарка требовать южный ветер.

Вот он, быстро браслеты надев из звенящих пчёл,

сам подарок себе выбирает: ловко срывает

Свежий, лёгкий плащ смеющегося жасмина

с плеч красавиц древесных — лесных богинь.

МАНОВИНОДА

Беспечно летающие кукушки,
дружно жужжащие тучи пчёл,
Сад, где уже на густых кимшуках
цветы, будто жаркие угли, горят, —
Вот приглашения в этот вечер
на радостный праздник — Праздник огней,
Устроенный яркоцветущей чампакой
во славу Васанты — владыки весны.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

В украшениях из полураскрытых бутонов
так и пляшущих от порывов ветра,
Разрисованы сложным узором листьев
и пылью нарумянены великолепно,
Оглашаемы дружной песней кукушек,
сочиненной на плавный мотив любовный,
Вышли радостный праздник встречать деревья —
дивный день возрождения Бога любви.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Врываясь в окна, всем мужьям влюблённым,
что милых жён ласкают в душных спальнях,
Друг Камадэвы, гость из Малабара,
весенний ветер шлёт такую весть:
«В лесах окрестных уж не первый день
дарю я радость пчёлам и кукушкам,
Теперь и вас, и ваших ненаглядных
я поскорее к нам примкнуть зову!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

В лесу кукушки чаруют нам сердце
 руладами горлышек своих звонких,
Окрепших, ставших ещё звучнее
 от съеденных свежих бутонов манго.
А что притворяется их глазами,
 если уж правду сказать, это — искры,
Что взвиты огненным взором Шивы
 над углями им сожжённого Камы.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Всё красивей деревья в свежей листве розовой,
 южный ветер душистый зовёт их, учит плясать,
Возбуждают объятья его, пробуждают радость,
 выгоняют на улицы жителей наших сёл,
И повсюду, повсюду, обычаи старые вспомнив,
 буйным праздником люди встречают приход весны,
И окрашен их разум сейчас в ярко-красный цвет
 возбуждёнными мыслями об озорствах да забавах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Новой Лакшми поручено важное дело —
изукрасить бутонами крону ашоки;
в благородном убранстве красуется манго,
нарядясь по случаю торжества.

Вот и южный ветер — давний приятель
восхитительно пляшущих веток сандала —
С Малабара, искусник, летит, чтоб вступление
спеть во славу победы Бога любви.

САВАРНИ

Вкруг бедер — гирлянды яркого амаранта,
за ушками — молодые бутоны манго,
Грудь прикрыта соцветьями алой ашоки,
цветочки мадхавы вплетены в причёски,
Как пудрой душистой, осыпаны грудь и плечи
жёлтой пылью бакулы, — вот весенний
Наряд наших девушек юных, и пусть их облик
в юношах крепких радость воспламеняет.

ШУБХАНГА

На яркие чаши цветов мучакунды
 гляжу — ничего не могу понять:
Пчёлы ли звонкие, стрелы ли тонкие,
 жгучий ли яд, пахучий ли мёд?
И кажутся яркие эти цветы
 живыми колчанами Камадэвы:
Тычинки их длинные — словно стрелы,
 а пчёлы на кончиках — жалящий яд.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Жужжанье пчёл всё звонче, всё слышней,
то меткий Кама шлёт живые стрелы —
Ашоки красно-жгучие цветы,
чьи острия покрыты сладким ядом.
О путники, в разгар весны покинуть
любимых жён посмевающие, — для вас
Сеть манговой листвы в бутонах-огоньках
мрачнее, чем глаза посланца смерти.

ЛЮБОВЬ РАСЦВЕТАЕТ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Ладонь положив на крутое бедро,
свой стан изогнув красиво и гибко,
Высокую грудь назад оттянув
и края плеча подбородком касаясь,
Мою лихорадку смягчить хоть немного,
как видно, решив, она дважды иль трижды
Мне бросила взор — цепь тяжёлых жемчужин,
где посредине сиял сапфир.

ВИРЬЯМИТРА

Хотелось бы мне, чтоб взор этой девы
вот так упал на моё лицо:
Сперва пусть пугливо дрогнет зрачок
и станет затем совсем неподвижным,
Пусть медленно, с прелестью непритворной
сужаться начнёт уголочек глаза
И, снова блеснув, изольёт, наконец,
весёлую струйку крупных слезинок.

ШРИ ХАРИША-ДЭВА

Взгляну на неё — поспешно глаза опускает,
ласково заговорю — ни словечка в ответ,
На ложе её отнесли — к стене повернулась,
пробую нежно обнять — в ознобе дрожит.
Из комнаты нашей брачной уходят её подруги,
она порывается следом за ними уйти...
Упрямица милая! Ах, чем пугливей невеста,
чем своенравней, тем радостней, слаще с ней!

ПРАДЬЮМНА

Когда поникает смущенный лотос
её застенчивого лица,
Как быстрый, любящий взор чудесен
из-под приподнятых длинных ресниц!
Когда же глаза она опускает,
и отблески их по щекам струятся
К ямочкам, где затаился смех —
это прекрасней, чем рай небесный!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

В воду руку она погрузила, — хотелось
ей большой, нераскрытый лотос сорвать.
Глядь, в руке не цветок — голова гуся:
стебли лотоса, видно, он ел под водою.
Как испуганно птицу она уронила,
как широко раскрылись глаза-самоцветы,
Трепеща и блестя, — кто тот миг не видел,
красоту изумительную упустил!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Если тело её — как чудесное озеро,
 то лицо — дивный лотос, а руки — стебли,
Чистота её юности — блеск воды,
 три игривых складки под грудью — волны.
В это озеро слон, молодой и сильный,
 погрузился, а слон — это сердце моё...
Ах, песчаное дно так его засосало,
 что теперь уж не выплыть ему никогда!

ДХАРМАКИРТИ

«Конечно, встреча твоя с любимой
будет такой мимолётно-краткой,
Что сном или ловким обманом покажется,
сразу разрушит твои мечты,
Поэтому жди, не стремись к этой встрече!» —
так сотни раз себя убеждаю
И знаю, что прав, и все-таки сердце
никак не забудет о ней, ланеглазой!

БХАВАБХУТИ

Сперва её быстрые взгляды искоса-робкими были,
потом стали мягче, нежнее, светясь от любви,
А после глаза её долго, прямо и неподвижно
в лицо мне глядели — и медленно взор отвели.
Но снова зрачки, расширяясь, мне из-под длинных ресниц
поведали о восхищенье, сиявшем в душе у неё,
И бедное сердце моё, беззащитное, в плен попало,
разрезано, поглощено, погибло теперь навсегда.

БХАВАБХУТИ

Она ушла, ни слова не сказав,
лишь взор мгновенный бросив на прощанье,
Ушла, стыдливо опустив лицо —
весенний лотос на склонённом стебле.
Но взгляд, который бросила она
из-под чудесно выгнутых ресниц,
Струёй нектара, смешанного с ядом,
как будто брызнул прямо в сердце мне.

БХАВАБХУТИ

Уже я не в силах ясно понять.
 то, что встаёт пред моими глазами,
И даже о том, что давно мне известно,
 память, словно в насмешку, лжёт.
Жар лихорадки моей не остудит
 ни лунный свет, ни прохладный пруд;
Блуждает мой ум и нетвёрдой рукой
 пишет рассказ о моих приключениях.

БХАВАБХУТИ

Это чувство не в силах я описать,
 не расскажешь о нём никакими словами,
Я такого ни разу ещё не встречал
 в этом новом земном моём воплощенье.
И чем больше утрачиваю рассудок,
 тем сильнее таинственность той непонятной
Перемены души, что меня заставляет
 то от холода стыть, то в огне гореть.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Когда проходит мимо эта девушка,
 длинноволосая и ланеглазая,
Из-под брови, приподнятой, танцующей,
 стреляя взглядом жгучего зрачка,
Я — сам не свой: то заливает пот меня,
 то бьёт озноб... И страсть с такою яростью
Бросается на плоть мою злосчастную,
 как на солому — языки огня.

ВАЛЛАНА

Сказать, что вскоре опять глазам моим радость
 подарит её красота, — это слова безумца,
Невестой моею представить её так же дико,
 как думать, что можно слона поднять на ладони.
Но всё же и это так много: то, что мы оба —
 моя чаровница и я — воплотились единовременно,
Что видеть её мне дано, — наверно, в награду
 за праведные дела в былых воплощениях.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Бесспорно, стрелок Камадэва —
всего лишь усердный слуга
Этой прекраснобровой
и своенравной девы:
Сразу, незримый, спешит он
к тому, на кого укажет
Она только лёгким движеньем
остро-прищуренных глаз.

ЧИТТУКА

Сперва застывшим от восхищенья,
потом отшатнувшимся в быстром испуге,
Стыдливо склонённым на миг — и вновь
раскрывшимся, будто жадно пьющим,
Удержанным путами благонравья,
но снова раскованным, снова страстным —
Таким был изменчивым, многообразным
её устремлённый к любимому взор.

КАЛИДАСА

Тело моё упрямое
 шагает вперёд и вперёд,
А беспокойные чувства
 обратно, обратно летят, —
Так и у знамени шёлкового
 полотнище развевается,
Когда его против ветра
 на крепком древке несут.

ДАНДИН

Нижней губки улыбчивой
 нежный и влажный коралл —
Как тропинка в пустыне,
 ведущая нас к роднику:
Ведь найдётся ли сердце,
 скажи, дивноликая дева,
Что, узрев ту тропинку,
 от жажды страдать не начнёт?

КАЛИДАСА

Созревшие груди её высоки,
а чудесный пупок — глубок.
Пленительны складочки на животе,
хоть стан и гладок, и прям,
Светятся в каждом движении её
и мягкость, и милый нрав.
Глядит, словно любит меня, но молчит —
лишь улыбкой со мной говорит.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Смело по двору ходит любовь моя,
если ж я подойду — уходит,
На других, на счастливых, с улыбкой глядит,
мне же дарит всего полвзгляда.
Звонко дразнит таких же, как я, молодых,
а со мною молчит, потупясь...
Видно, вправду считает ниже меня,
недостойней, чем все остальные.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Счастлив тот, кто проводит ночи,
 обессилив от игр любовных,
Прислонясь успокоенной грудью
 к пышным грудям своей подруги.
От шафрана влажны её груди,
 как слоновьи виски, округлы,
И в плену её рук он может
 сразу вплыть в самый сладкий сон.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Как глуп поэт, что женское лицо,
 живое, страстное, с луной бесстрастной
Решит сравнить! Где на луне увидишь
 такие взоры, жгущие огнём?
Где на луне хоть раз заметишь ты
 лукавые, танцующие брови?
Где на луне найдешь ты бурный гнев,
 и слёзы ревности, и смех счастливый?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Только до той поры помышляют
освободиться от бренного мира
Те, чьи сердца надломлены горем,
смертью родных, разлукой с друзьями,
Пока нежданно их не ужалит
гибкая, угольно-чёрная змейка —
Взор мимолётный, взор обжигающий
стройной юницы с глазами газели.

ДХАРМАКИРТИ

«Молода, свежа, газельи глаза,
а лицо — как едва распутившийся лотос,
Расцветать только начали груди-бутоны...»
Хватит, глупое сердце, меня соблазнять!
Заблуждаешься ты, насладиться желая
той водой, что тебе показал мираж,
Берегись же — и снова, обмануто страстью,
не шагни на коварную эту тропу.

КАЛИДАСА

Когда средь гостей и я появился,
 быстро она отвела свой взор
И засмеялась в ответ на слова,
 которые вовсе меня не касались.
Вот так она тонким своим поведением,
 благовоспитанности повинуюсь
Сумела не выдать свою любовь,
 но и сумела её не спрятать.

ШРИ ХАРША

Скажи мне, милая невинная подружка,
кто тот счастливец, на кого твои глаза
И нерешительно, и всё же мягко, нежно,
вдруг разучась мигать, сейчас глядят?
Лишь миг они глядят ему в лицо
и тут же в сторону спешат стыдливо,
И чуть дрожат пугливо, скрыть пытаюсь
любовь, зажёгшуюся в сердце у тебя.

ПАРАМЕШВАРА

Стройная, чуть повернулась дева
и, обнажённые руки подняв,
Пальцами гибкими стала завязывать
узел высоко уложенных кос.
При этом, блеснув уголочком глаза,
острой груди волну показав,
Взор она яркий метнула — на цепь
из ярких плавучих лилий похожий.

КЕШАТА

Муж воротился, наконец, домой,
был труден путь в песках, по бездорожью.
Глядит жена — с лица его не сводит
трепещущих от слёз, счастливых глаз,
Потом спешит верблюду предложить
охапки веток, пальмовые листья
И ласково узорным краем платья
с клокастой гривы смахивает пыль.

КАЛИДАСА

Стройная мимо него прошла,
но тут же внезапно остановилась
И оглянулась — как будто травинкой
острой себе поцарапала ногу.
Дальше шагнула и снова лицом
к нему обернулась, — казалось, хотела
Край сари от веточки отцепить,
хоть он и вовсе не зацепился.

БАНА

Ладони, что чашей сложил он, направляясь к ней, —
не просто просьба воды ключевой напиться,
И головой покачал он, её красотой восхищаясь,
а не потому, что жажду спешит утолить,
На теле его ошетинились все волоски
от страсти, а не прохлады воды прозрачной...
Так странно себя этот странник ведёт молодой,
увидев красивую девушку возле колодца.

КАЛИДАСА

Ты вновь и вновь касаешься на миг
её прищуренных, дрожащих глаз,
Потом, как бы нашептывая тайны,
над самым ухом розовым жужжишь,
Опустит руки чуткие она,
и пьёшь нектар ты губ душисто-влажных, —
Мы здесь, у райских врат её, томимся,
а ты, пчела, уже проникла в рай.

РАДЖАШЕКХАРА

О госпожа, свежих губ цветок
хоть раз приоткрой, — и коралл побледнеет,
Пошли хоть волну чудесного взора, —
и яркая лилия сникнет в пруду,
Одежды свои хоть слегка приоткрой, —
и даже золото чёрным станет,
Лицо подними, и тогда — о чудо! —
в небе появятся две луны.

РАДЖАШЕКХАРА

То словно жемчужные ожерелья
 он рассыпает на пол дворцовый,
То щедро разбрасывает вокруг
 букеты душисто-цветущей кетаки,
То по небу льётся молочно-белым
 лунным сияньем, — так всякий раз
Мгновенный взор дивнобровой девы
 новым обманом чарует нас.

РАДЖАШЕКХАРА

Дева с изогнутыми бровями,
играет — вращает диск на шнуре,
Так быстро и ловко кружась, что при этом
как будто три зонта создаёт:
Один — из широкой шёлковой юбки,
другой — из чудесных жемчужных бус,
А третий — из дивных, легко-летающих,
кружащихся с ней длиннотмейных кос.

РАДЖАШЕКХАРА

Кто сможет сияньем луны утолить
жажду, хоть в этом сиянье — бессмертье?
Кто сможет из лotosовых стеблей
соткать и сшить для себя одежду?
Как чашей измерить густой аромат
гирлянды, сплетённой из бакул цветущих?
И как даже самый чудесный сон
мне девушку эту создаст темноглазую?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Без сомнения, пища богов чудесна,
 мёд, конечно, сладок всегда, как мёд,
Верно также, что очень вкусны плоды,
 от которых склоняются ветки манго.
Но пускай непредвзятый знаток мне скажет:
 может в мире найтись что-нибудь, чей вкус
Был бы хоть в половину таким же сладким,
 сколь волшебно-сладки её уста?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Метнёт она тонкий свой полувзгляд,
 смущённый и нежный, и посрамляет
Красу даже тёмных плавучих лилий
 и светлый блеск молодого вина;
Нектар, считавший себя всех слаще,
 с насмешками гонят теперь со двора;
Лишь яд остаётся, — в тоску превратясь,
 тайком он входит в сердца влюблённых.

ДОЖДИ

ЙОГЕШВАРА

После ночного дождя ветерок легковейный взлетел,
но облаками по-прежнему плотно обложено небо.
В сон погрузилась луна, и все её звёзды уснули,
только внезапные молнии даль озаряют на миг.
С ливнем обрызганных, пышных, цветущих кадамб
запах дурманящий льётся... Во тьме всё слышнее
Страстные зовы лягушек... О друг, одинокий мой друг,
как без любимой проводишь ты ночи такие?

ЙОГЕШВАРА

Берег речки разлившейся сердце моё веселит:
«ке-ке-кек!» — датьяхи кричат, и им отвечают
Зовы серых гусей, а меж тем змея обернулась
вкруг верхушки толстого тростника — и спит.
Там и сям на побережье стада антилоп собрались
в мирный круг; кое-где высокие травы гнутся
Под живыми гроздьями муравьёв, а в джунглях
от восторга птицы совсем посходили с ума.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Павлиниха нежно дружка своего зовёт,
а он ещё медлит: напыжась, сидит на пригорке,
На небо глядит, где, клубясь, наплывают тучи,
но вот, наконец, соскакивает с бугра.
Узорным зонтом переливчатый хвост распустив,
он исполнять начинает свой танец весёлый
Под гул грозовых раскатов, сладких для слуха,
как праздничных барабанов гремучий зов.

ШУБХАНГА

Поистине богат, кто может пить
 невесты краснотосные губы
Под кровлею беседки, заслонённой
 циновками от бурных струй дождя.
И пусть их жарким шёпотам любовным
 лишь чернокрылые датыюхи вторят,
В своих больших плетёнках пробудясь
 от нарастающих раскатов ливня.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Пожар утих — покинул горный кряж,
 леса горелые опять в листву оделись,
Стал край земли зубчат от свежих туч,
 а в небе просветлённом — ни пылинки.
Смотри, как на раскидистой кадамбе
густыми волнами бутоны запестрели,
И чу! — обет молчанья не сдержав,
 павлины наконец-то закричали!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Ткань тьмы, искусно расшитая блёстками светляков,
молний внезапные вспышки, трубные рёвы слоновьи,
Мощное воинство туч, о чьей уже близкой громаде
можно судить по протяжным раскатам громов.
Ветер с востока, несущий нам запах расцветшей кетаки,
тёплые брызги дождя... О, я не знаю, не знаю,
Как может вынести все чудеса этой ночи
тот, кто сейчас одинок — с милой своей разлучён.

ВАТОКА

Когда шумит, шумит немолчный ливень,
в бесчувственность мой разум погружая,
И тяжкий гул его растёт, сливаясь
с неистовым слоновьим брачным рёвом,
Тогда мне чудится: усталый небосвод,
уткнувшись головой в свои колени,
Уснул, храпя громами туч тяжёлых,
закрыв два глаза — солнце и луну.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Счастлив тот, кто в разгаре муссонных ливней
в крепкой хижине под тростниковой кровлей,
Оплетённой тыквенными стеблями
со своей возлюбленной ночь проводит,
Кто, горячею грудью к груди прильнув
милой женщины, ласковой и желанной,
Сонно слушает, нежась в её объятьях,
шум сплошного дождя и рычание туч.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Эти тучи и вправду запятнаны были желаньем,
 видно, воду из моря хлебали с жадностью глупой,
Потому-то вместе с водой они наглotalись
 и подводного, вечно пылающего огня,
А иначе откуда в них грозовое пламя таится,
 хоть и лгут они, что это — сиянье радуг.
Да, обманчив их вид, — не такими ли угли бывают:
 наверху — чернота, а под нею — жгучий огонь?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Туча громадная, грязью покрыв дорогу,
стёрла багряный узор на ступнях красоти.
Туча всё льёт и льёт свой проклятый ливень,
с покрашенных щёк остатки румян смывая.
И всё-таки туча хитра: что успела напортить,
она возмещает яркими вспышками молний,
Чтобы во тьме нашла беспутница молодая
тропочку к хижине той, где любовник ждёт.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Светляки, осыпая блёстками тьму,
 после ливня полночного так сверкают,
Что подумаешь: полосы искр протянулись
 от горящих сердец покинутых жён.
А потом почудится: так легко
 они реют — словно крупинки молний,
Перемолотых тяжкими жерновами
 в дикой злобе сталкивавшихся туч.

ЯШОВАРМАН

Стенанья мои — как вздохи твоих громов,
роса моих глаз — как твой непрерывный ливень,
Огонь страдания, рождённый разлукой с нею,
подобен горячему блеску молний твоих,
Её лицо в глубине души я скрываю,
как ты в своей глубине скрываешь луну, —
Во всём мы с тобою схожи, о друг мой Туча,
зачем же тогда уничтожить хочешь меня?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Владыка любви разгневан, увидев,
 что путник нарушил его приказанье,
Ему с полпути повернуть он велит —
 немедля к любимой своей возвратиться.
И путник назад идёт, заключён
 в хрустальную клетку из ярких, обильных
Струй дождевых, что со всех сторон
 с его зонта дорожного льются.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

С твоим появлением, о долгожданная туча,
 повсюду крестьяне выходят в поля трудиться
И с нетерпением нового ждут урожая,
 и падает дождь, исцеляя горячку земли.
С твоим появлением, о долгожданная туча,
 повсюду павлины сначала медленно выйдут,
Раскроют зонтами дрожащие, пёстрые перья,
 их вскинут вверх и свой брачный танец начнут.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Себя он измазал — покрыл с головы до ног
 вместо золы пылью цветущей кетаки;
Не череп над лбом — белизна журавлиных стай,
 он ими стянул свои чёрные кудри-тучи;
В руке он держит, словно магический жезл,
 радугу с лентами молний, — вот так притворился
Злым колдуном бурливый сезон дождей,
 чтоб жен пугать, чьи мужья ещё на чужбине.

ЙОГЕШВАРА

Вот край земли стал тёмен от грузных туч,
вот радуга светится, молния блещет-резвится,
Вот ночь и день слились в одном полумраке,
вот слышен влюблённых негромкий, игривый спор,
Вот ча́така жажду смогла наконец утолить,
вот гром веселится, под ливнем вздуваются реки, —
О как, одинокий скиталец в краю чужедальном,
тебе пережить столь дивную ночь дождей?

ПАНИНИ

«Сначала ночь оно истощило,
из рек и озёр стало воду красть,
Заставив страдать и болеть всю землю,
густые леса иссушив и раздев,
Куда ж теперь оно подевалось?» —
вот так ворчат грозовые тучи,
Спеша всей толпой в погоню за солнцем,
гневно вздымая факелы молний.

АБХИНАНДА

Как темны эти ночи! Но кажется мирной
эта тьма по сравненью с прерывистым блеском
Острых молний; ни звёзд, ни луны — их прогнали,
плотным валом вздымаясь, чёрные тучи.
Так темно, что ближайшее дерево видишь
лишь по искоркам светляков, и всюду
Мрак звенит от бесчисленных стай мошкеры,
опьянённой каплями первого ливня.

ЙОГЕШВАРА

Трубные рёвы слоновьего стада колышут
рощи бамбука вдоль топких речных берегов,
Пёстрые крабы, цветущие мхи по откосам
ярко блестят по-над илистой, тёмной водой,
Рыхлой прибрежной земли отсырелые, чёрные комья
взгорбились, поднятые дождевыми червями, —
Все эти признаки новых дождей долгожданных
новою радостью в сердце вонзаются мне.

АБХИШЕКА

Воды бурных дождей разлились по равнине,
и где раньше сухая земля простиралась,
В мелководье резвятся стайки рыбёшек,
ярко взблёскивая, будто россыпь монет,
А по дну бродят крабы взад и вперёд,
будто руки, что эти монеты считают,
И, конечно, богатства такого хватит,
чтобы взор мой пленить и сердце купить.

ЙОГЕШВАРА

Взгляни на банановые деревья —
 совсем иссушило их летним зноем,
И только теперь, под обильным ливнем,
 они становятся всё зеленей
И гроздьями длинных, похожих на пальцы,
 ещё розоватых, незрелых плодов,
Как жадно подставленными горстями,
 струйки дождя хватают и пьют.

ДАКША

Небо сейчас подобно
 громадной кроне баньяна:
Густые, широкие тучи —
 свод его тёмной листвы,
А эти несчётные струи,
 до самой земли висящие,
Очень похожи на массу
 воздушных его корней.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Нет луны, нет и солнца — оно ушло
куда-то в неведомые края,
Круг звёзд и планет будто стёрли с неба,
меж ночью и днём затемнилась грань, —
Да, вот какой беспорядок громадный,
смятение и в небе, и на земле
Несут нам, подобно нашествию вражьему
эти ряды слонов-облаков.

ЙОГЕШВАРА

Лишь до тех пор слова ещё не тщетны,
лишь до тех пор мечтает, верит сердце,
Лишь до тех пор надеждой движим путник,
пока он не увидит склоны Виндхьи,
Увенчанные грудой туч, подобных
гигантской распутившейся кадамбе,
Клубящихся и чёрных, будто змеи,
лоснящиеся новой, свежей кожей.

СЛОВА ПОСЛАННИЦЫ

ШРИНГАРА

Пока ещё прелесть её скрывает,
как девичье тело поблекло, ослабло,
И лишь о тебе непрестанные мысли
в несчастной ещё сохраняют жизнь.
Но вот что в ней ново: теперь луна
с лицом её спорит, — оно стало в пятнах
От слёз и от вздохов, таких же тяжёлых,
как спелые груди её тяжелы.

ШРИНГАРА

Боясь луны, она глянуть не смеет
в зеркало — на отраженье своё,
Пугаясь призывного крика кукушки,
молчит, не желает и слова сказать.
Но странно: хоть знать и не хочет подружка
Каму с любовным его огнём,
Вижу, растёт в ней, о гордый красавец,
чистосердечная страсть — к тебе.

АЧАЛАСИМХА

В час, когда умящает луна весь небесный круг
густо-белым сияньем, подобным сандаловой пасте,
Поглядел бы, красавец ты наш, на подругу мою —
на влюблённую страстно в тебя ланеглазую деву:
Капли слёз — в глазах у неё, а лицо — в ладонях её,
аромат — в дыханье её, только ты — в душе у неё,
Стыд последний давно позади, и теперь что ни слово,
то хвала красоте и достоинствам лучшим твоим.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Когда не желал появиться,
о ты, молодой красавец,
Ночами, едва освещёнными
отверженной, бледной луной,
Её порождённое страстью
безумие было как море,
Лицо — как цветок, а глаза —
два плачущих лунных камня.

РАДЖАШЕКХАРА

Так горит её тело, что сохнет стекающий пот,
а ручьи её слёз целый сад оросить могли бы,
Так вздыхает она, что в светильнике пляшет огонь,
а сама между тем на глазах поникает, бледнеет.
Но и этого мало: всю ночь бедняжка сидит
у окна, из которого видит твою тропинку,
И лицо, как зонтом, от луны заслоняет ладонью,
будто лунный свет горячее, чем полдневный зной.

РАДЖАШЕКХАРА

То, что губы она кусает, с груди стирая
лунный серп, нарисованный свежей сандаловой мазью,
То, что тонкие пальцы до хруста сжимает, с презрением
говоря о Боге любви — достохвальном боге,
Также то, что, враждуя с Несущим цветочные стрелы,
обрывает она все цветы, что вокруг увидит, —
Это всё означает, что смог ты, надменный красавец,
дивноликую деву любимую ввергнуть в безумье.

ВАСУКАЛЬПА

Когда эта дева оленеглазая
встретит тебя, счастливец, во сне,
Всем чутким телом она дрожит,
холодной испариной обливаясь.
Так страстно твой образ она обнимает,
что с хрустом ломает свои браслеты,
Тогда пробуждается, вздрогнув, бедняжка,
омытая жарким потоком слёз.

РУДРА

Ты ушёл, — и теперь описать невозможно,
как она в лихорадке любовной бьётся
На постели, чей тканый покров лепестками
осыпают плачущие подруги.
И взгляни: вон, сандаловой мазью испачкан,
ввысь взлетел со вздохнувшей её груди
Белый, высохший лотосовый лепесток
и скитается в небе, как маленький месяц.

МАНОВИНОДА

Испугавшись вида своей постели —
 покрывал в полосах шафрановой пудры,
Смытой с плеч и груди ручейками пота,
 будто жаркое пламя ей тело лизало,
Эта дева, в сиянье луны лихорадя,
 жаждет сном в постели другой забыться —
У тебя в объятиях: ей, влюблённой,
 будет жар твоих ласк отрадней прохлады.

ДИМБОКА

Чтоб мученья рассеять своей лихорадки,
принялась эта дева, в тебя влюблённая,
Рисовать на дощечке твои черты,
но дрожала рука, искажались линии...
А заметив, что слёз от подружек не скрыть,
обмануть их решила она — и, склонясь,
Притворилась, что веточки манго рисует,
намекнув: это — образ Бога любви.

ПРОБХАКАРА

Прекрасная тело своё принесла
на жгучий алтарь твоего отъезда,
Его освятив драгоценной водою —
влагой своих безутешных слёз,
Молясь лишь о том, чтоб в грядущих жизнях
не ведать мучений разлуки с тобою,
Казалось, в священный хор храмовой
она превратила пенье кукушек.

РАДЖАШЕКХАРА

Вздохи её — как морской прибой,
глаза её — два горных ручья,
Щёки её бледней и белей,
чем высохшие цветы тагары,
А слабость её исхудалых рук, —
о как описать их? В сравнении с ними
Даже едва народившийся месяц
не показался б столь тонким, худым!

УТПАЛАРАДЖА

Как тебе описать я, жестокий красавец, могу
лихорадку, в которую ты ланеглазую вверг:
Чтобы жар, её мучащий, чуть охладить, я кладу
ей на грудь ещё влажного лотоса лист широкий,
Но сейчас же он сохнет и вянет, потом в горячий
порошок рассыпается, тлеет, рождает пламя,
А теперь, раздуваемый вздохами мук её тяжких,
и меня, подругу верную, жжёт огнём.

АЧАЛАСИМХА

Лунный свет для неё становится ядом,
ветерок с ароматом лилий — огнём,
А жемчужины грудь ей жгут, будто кто-то
ей на свежую рану льёт кислоту,
Из сандала прохладная мазь — будто масло
на шипящей жаровне... Едва, наш красавец,
Отвернёшься, нахмуришься ты, всё вокруг
для неё обретает обратные свойства.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Плоть её восстаёт, чуть она пред собою создаст
образ твой, обрисованный острой её тоскою,
Хочет в круг своих рук заключить тебя, — но, увы,
ловит лишь пустоту, лишь сама себя обнимает.
Даже больше скажу: познакомясь с длительным горем,
то и дело сознание теряет она, — и тогда
Только имя твоё, если на ухо ей прошепчу,
служит словом волшебным — её возвращает к жизни.

ВАЧАСПАТИ

Как смогу я тебе описать, жестокий,
лихорадку моей ланеглазой подруги?
Видел ты, как вдова бросается с воплем
в погребальный костёр своего супруга?
Ах, бесспорно одно: эту дивную деву,
сотворённую, чтоб восхищать все взоры,
Драгоценность, созданную Творцом,
погубил ты своей предательской ложью!

ТАЙНЫ СЕРДЕЦ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Когда в миг страсти упали одежды
с бёдер прекрасных, блеск самоцветов,
Сверкавших на поясе стройной подруги,
казалось, одел её в лёгкий шёлк,
И тщетно любимый жадно взирал,
и тщетно она отступала в смущенье,
И тщетно срывал он мнимый покров,
и тщетно она помешать пыталась.

КАВИШЕКХАРА

В целом мире нет ничего драгоценней,
чем чудесный вид ланеглазой подруги,
Отдыхающей после любовной схватки.

А когда счастливец отбросит прочь
Одеянья её, и пируют взоры,
обнажённой любясь, как рдеет она,
Прикрывая руками то чресла, то груди,
а потом — глаза своего дружка.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Вот высший плод его прежних заслуг:
наверно, он в жизнях былых не сдавался
Соблазнам земным — и теперь в объятьях
эту чудесную держит награду.
Все-все свои чары ему расточив
в сотнях движений, внушённых любовью,
В руках его любящих стихла подруга —
ей сон запечатал уста и глаза.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Нежно-лотосным ликом, стыдливо склонённым,
так что дивных ресниц бахрома видна,
Юным телом, где все богатства блистают,
о которых известно в царстве любви,
Пробуждённой, растущей любовной страстью,
хоть сломить её гордость ещё нелегко,
И вернее, и крепче всех дерзких женщин
сердце мужа пленит молодая жена.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Вот праздник, что превыше всех небес,
вот наслаждение души и взора,
Закладка храма нового для бога,
чья власть — непобедимая Любовь,
Когда молоденькая дева, вся дрожа,
но уступая натиску мужскому,
Впервые учится той радостной игре,
в которой надо с милым упражняться.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Если при первом его объятье
она спешит назад отклониться,
Но тут же, скрываясь от страстного взора,
сама к нему прижимается крепко,
То можно ли ждать награды чудесней
за прежние строго-святые жизни,
Чем это пленительное своенравье
милой упрямцы — девы влюблённой?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Это — безмерная райская сладость,
это — река блаженства и счастья,
Это — как самый душистый мёд,
 это волненьем пронзает сердце,
Если мужчина в богатом доме,
 где много юных, нарядных жён,
Пленительных, жаждущих игр любовных,
 в беспечных забавах проводит дни.

ПРАДЬЮМНА

Прекрасная, кто этот друг Камадэвы,
кто ты, луноликая — море счастья,
Чьё сердце так чисто, а груди набухли,
подобно лобным буграм слона?
И что за тягчайший обет он сдержал
в жизни былой, если ласк твоих роскошь,
Раскованных, жар его страстный смягчивших
именно в нём свою цель нашла?

САМКАРШАНА

Ту рябь возбужденья, что грудь покрывает
счастливца в объятьях юной подруги,
Люди напрасно — так я полагаю —
«гусиною кожей» шутивно зовут.
Думаю я, что пупырышки эти —
следы от бесчисленных стрел Камадэвы:
Их извлекли из плоти мужской
магниты круглых, набухших грудей.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Ночь была глубока, лампа ярко светила,
а мой милый поистине был знаток
Всех чудесных приёмов, любовных обрядов,
что умеет горячая страсть возбудить.
Но, подружка, все ласки его поневоле
были медленны, скованы были движенья,
Потому что кровать непрерывно скрипела,
как от злобы зубами скрежещащий враг.

ВИДЬЯ

Как вам завидую, подруги!

Всё-всё вы помните, что было
У вас с любимыми: их просьбы,
смех, ласки, нежные слова...

Со мной не так: едва мой милый
развязывать начнёт мой пояс,
Клянусь, что с этого мгновенья
не помню больше ничего.

МАНОВИНОДА

Бурной пучиной, в чью глубь их сердца погрузились,
были искусные ласки двух слившихся тел, —
Этот прибой нарастал с каждым страстным движеньем,
с каждою новой открывшейся тайной любви.
Что же ещё можно было бы им пожелать,
что́ в этот час оставалось им, юным счастливцам?
Лишь забытьё да истома притворной разлуки,
созданной тенью устало смежившихся век.

МАНОВИНОДА

Склонённый взор, прелестный изгиб
тонкого края приподнятой брови,
Ручей её слов, озарённых улыбкой,
от милой застенчивости чуть невнятных, —
Как счастлив тот, кто приветствовать рад
такую оленеглазую гостью,
Кто нежность и ласки её встречает
гостеприимно взволнованным телом.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Дыханье шипящее, полузакрытые веки,
чуткая кожа в пупырышках от возбужденья,
Блестящие бусинки пота — от всей души
эти чудесные признаки страсти славлю.
Славлю я эти пленительные превращения
оленеглазых красавиц в дивные миги
Сладостных соединений — те знаки отличья,
которые щедро им Бог любви раздаёт.

СУРАБХИ

Вот снова зарделась она от смущенья,
потом засмеялась и, чуть отдохнув,
Свой прерванный труд продолжает любовный,
и как в этот миг прелестна она,
Как яркое узор на челе увлажнённом,
как локоны вьются, на лоб ей упав,
Когда, над счастливым склоняясь, решит
любимая с ним поменяться ролями.

КШЕМЕНДРА

Удары со всех сторон получая
в этой безумной любовной битве,
С телом, покрытым в порывах страсти
рубцами от жадных ногтей и зубов,
Она бы, конечно, давно погибла,
если бы страстно, большими глотками
Снова и снова небесную сладость
из уст возлюбленного не пила.

БАНА

Пусть вечно сыплются, счастливцев,
тебе на грудь дождём душистым
Пучки жасмина из причёски
подруги сладостной твоей,
Пусть вечно падают они
из локонов её чудесных,
Растрёпанных в порыве страстном
твоей настойчивой рукой.

ВИРЬЯМИТРА

У ланеглазой, смеющейся сладко,
стали ещё пленительней щёки,
Когда с них грим разноцветный стёрся
за время жаркой любовной битвы, —
Гладки, нежны они, словно стебли
сахарных тростников поспевших,
В стыдливом румянце они и в свежих
следах от ногтей желанного друга.

АМАРУКА

То рукой, трепещущей от смущенья,
вновь спешит одежды свои найти,
То, бросая цветы из своей гирлянды,
хочет пламя светильника потушить,
То, смеясь от стыда, заслоняет ладонью
мужнин взор, чтоб не видел её наготы, —
Всё милей, всё пленительней стройной невесты
милый облик в час торжества любви.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Она обвивает его с нарастающей страстью,
горят её бёдра, ноги и руки дрожат,
Под бурный дождь поцелуев любимого мужа
подставить спешит лицо, и шею, и грудь.
«Нет-нет!» — она шепчет, а всё горячее льнёт,
«Нет-нет!» — повторяет, отбросив последний стыд,
«Нет-нет!» — она стонет, кончая обряд любовный...
Ах, если б при этом хоть раз прошептала: «Да!»

АБХИНАНДА

Не схватилась руками за пояс она,
и одежда, раскрывшись, к ногам упала,
Лишь всё чаще глядела она на светильник —
на высоко горящий толстый фитиль,
А когда подошла вплотную ко мне,
взволновались её молодые груди, —
Каждым жестом она выдавала любовь,
каждым словом её отрицать продолжала.

АЧАЛА

Как я рассмотреть любимого
могла, о моя подружка,
Когда глаза мои плавали
в слезах волнения и радости?
И как было мне почувствовать
блаженство его объятий,
Когда я покрылась, как панцирем,
знобящею, съёженной кожей?

БХАВАБХУТИ

Пока, прильнув щекой к щеке,
 так сладко мы тайком шептались,
И наших рук чудесный узел
 нам не хотелось расплести,
Пока, забыв про всё на свете,
 мы счастьем нашим упивались,
Ночь крадучись ушла, и утро,
 блеснув, застало нас врасплох.

ЛАКШМИДХАРА

Их души давно уже сплетены,
а руки стыдятся — сплестись боятся,
То страсть готова вот-вот прорваться,
то снова её оттесняет стыд...
Томятся два юных влюблённых сердца
в огне то смущения, то желанья,
Но хоть и чудесен цветок их встречи,
кто знает, каков ещё будет плод?

ΛΕΤΟ

МАНГАЛАРДЖУНА

Объяття наших жён, чьи влажные глаза
с глазами диких оленят поспорят,
Их свежие от долгого купанья,
сандалом пахнувшие, гибкие тела,
Бутоны яркие, вплетённые в их пряди —
всё так волнует взоры и сердца,
Что снова страсть растёт, чью силу иссушили
дня знойного палящие лучи.

БАНА

В этот самый знойный, жестокий месяц,
в этот месяц — губитель цветов и надежд,
Иссушитель лоз, мучитель оленей,
ненавистник жасмина, томитель пчёл,
В этот месяц, что выпил до дна все озёра,
пыль вздувает, поджаривает небеса,
Под лучами палящими, путник бедный,
как шагать тебе дальше, как дальше жить?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Стайка доверчивых ланей робко сгрудилась
 невдалеке от колодца, — там, у источника сидя,
Девушка тихо поёт, и ласковый голос чарует,
 плавно качаясь, как колыбельная песня.
А вдоль дороги деревья шелестом свежей листвы
 свежие нам навевают мечты и надежды,
Вздохами лёгкого ветра сдувая капельки пота
 с тёмных, усталых странничьих лиц.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Взгляни, как птицы клювами рыхлят
 иссохшее от зноя оперенье,
И крыльями взъерошенными машут,
 пытаясь жар неслосный отогнать,
А цепкими когтями, пригибаясь,
 всё крепче держатся за край гнезда,
Чтоб не свалиться от ударов резких
 порывистого ветра с южных гор.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Над едва оперившимся диким гусёнком,
хоть ему и прохладно средь лотосов и камышей,
Мать-гусыня любовно простёрла широкие крылья,
словно белым зонтом от жары защищая птенца.
А ручной попугайчик, чей клювик от жажды иссох,
притулясь на груди у красавицы томной,
Хочет склюнуть хотя бы одну из жемчужин ее ожерелья,
тщётно их принимая за капли росы.

БХАВАБХУТИ

Небо с приходом жестокого лета
накинуть спешит покрывало из пыли,
Поднятой ветром, чтоб словно зонтом
землю прикрыть от палящего зноя.
И пчёлы нектар осторожней пьют,
садясь на коралловые деревья,
С опаскою смотрят: цветы на ветвях
или огни лесного пожара?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Прохлада, что сперва таилась под водой,
потом с сандаловою мазью ненадолго
Сдружилась, с лилией плавучей, с лунным светом,
а днём в тени бананов отдыхала.
Теперь пришла пора палящих летних дней,
и всё же эту дивную прохладу
Найти возможно и сейчас, — но где?
Лишь здесь, на ласковой груди моей подруги.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Отогнать пытаюсь несносных moskitov, жгущих
 уголки покрасневших глаз, обозлённый буйвол
Головой рогастой трясёт и, жарой измучен,
 забредает всё глубже в густую озёрную воду.
Толстый, мокрый жгут болотного мха он поддел рогами,
 и струится вода по его воспалённым векам,
А затем он по самые ноздри в озеро входит,
 раздраженье прошло, задремал круторогий буйвол.

БАНА

Слон возвещает приход обжигающих дней,
из хобота спину и грудь себе поливая.
Деревья прибрежные — в полосах свежей грязи:
буйволы тёрлись боками об их стволы.
А солнце всё жжёт, — и самые жадные звери,
любители крови, губители ланей лесных,
Сейчас, изнурённые, — только бы зной пережить! —
в пещерах попрятались, в логовах горных ущелий.

БАНА

Пыль дорожная путнику ноги жжёт,
и не только ступни болят — даже икры.
Буйвол топчется там, где весной был пруд,
среди остатков воды и гибнущих рыбок.
Глаз не сводит гиена с джáтаки красной —
жаждет крови! А прицы слетелись в гнёзда,
В тростниках да колючих кустах — и молчат:
от жары все жилки в их горлах вздулись.

МАДХУШИЛА

Гребешок из махровых жасминов удобно уселся
в косах тугих, ещё свежих после купанья,
Ожерелье из влажных, блестящих цветов олеандра
проливает прохладу на разгорячённую грудь,
А цветущей акации веточки гибко свисают
из-за края обеих раковин нежных ушей, —
Так обильное лето эмблемы свои раздаёт
всем прелестным частям молодого женского тела.

НАРАЯНАЛАЧЧИ

Летний зной размыкает страстно-тугие объятья
 всеблагого Нараяны и светозарной Шри, —
Задремали они, на волнах океана качаясь,
 во дворцовых покоях, с чьих стен стекает вода,
И уже ничто не мешает жестокому солнцу,
 жарить лунный круг, всей былой красоты лишённый,
Будто это — блин, подгорающий на громадной,
 на огне раскалённой глиняной чаше небес.

ЖЕНСКИЕ ОБИДЫ

АМАРУКА

Пускай глаза мои дрожащие свой взор
 прочь отведут, когда на них он глянет,
Пусть бедный поясок развяжется, пусть платье
 от вздоха тяжкого порвётся на груди,
Я всё равно теперь ни слова не скажу
 лжецу, что был души моей усладой.
Вот лишь за сердце за своё боюсь —
 не разорвётся ли от этого молчанья?

ПРАДЬЮМНА

Наша любовь лишь бровями когда-то сердилась,
и самым большим наказанием было молчанье,
Улыбка мольбу о помилованье означала,
прощанье же ниспосылалось одним только взглядом.
Смотри же, как ныне разладилась наша любовь:
сейчас ты в отчаянье передо мной на колени
Упал, умоляя простить, но сердце, злосчастное сердце
упрямится — гордость не может свою побороть.

ХИНГОКА

Обманщик, негодяй! Уже ты заключил
меня в объятия горячие... Но вдруг
Услышал, как вблизи чеканный поясok
бренчит на бёдрах у моей подружки.
И сразу круг твоих объятий ослабел...
Кому ж теперь пожалуюсь на это?
Да станет ли меня подружка слушать,
от яда слов твоих медовых опьянев?

АМАРУ

«Пусть сердце рвётся хоть на сто частей,
пусть от любви проклятой вся иссохну,
Дел больше никаких иметь я не желаю,
с таким изменником, с таким лжецом!» —
Так резким голосом она твердила гневно,
но, всё ещё бранясь, растерянно глядела
Глазами — чуткими газельими глазами,
как удаляется любовник молодой.

ДИМБОКА

Прерви своё молчанье, дорогая,
 слух жаждет пить нектар твоих речей,
И взор свой подними, чтоб снова мир
 наполнился сияньем синих лилий.
Прости меня, свой гнев смени на милость,
 твой верный раб ни в чём не провинился, —
О да, не стоит он твоей любви,
 но он и гнева твоего не стоит!

ГОНАНДА

Подруга милая, ты своего дружка
на подозрительной поймала оговорке —
Чужое имя женское назвал он,
так пусть не думает отделаться хитрец
Учтивым оправданьем, извиненьем,
о нет, свою вину искупит этот плут
Лишь длительным тюремным заключеньем
в цепях, в ярме — в объятиях твоих.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Размолвка внезапная вспыхнула ночью, — и долго,
но тщетно строптивицу муж молодой увещал,
И лишь под конец этой грустной, томительной ночи
остыл её гнев, возвратилась сердечная страсть.
Тогда притворилась она, что в беспамятство впала,
прикинулась спящей, лежащей покорно и томно,
Чтоб гордость свою соблюсти, но при этом и сладких
любовных объятий себя и его не лишать.

СОННОКА

Всю ночь не спят, повздорив, молодые,
давно пришла пора любовных игр,
Но слишком горд и слишком молод каждый,
чтоб речь о перемирии начать,
И каждый ждёт — хоть слова извиненья!
Конечно, вновь их примирит любовь,
Но эта ночь уже не повторится —
прошла впустую сказочная ночь!

В РАЗЛУКЕ С ЛЮБИМЫМ

АМАРУ

Не стала слушать ты ни ласковых подруг,
ни умных родственниц... Когда к твоим ногам,
Раскаясь, муж упал, беднягу ты кувшинкой,
что за ухом была, хлестнула по лицу.
И вот теперь луна не светит — жаром пышет,
сандаловая мазь не студит — жжёт огнём,
Ночь — будто целый век, и тяжелей железа
из свежих лотосов гирлянда на груди.

БХАВАБХУТИ

Страсть всё острее становится в разлуке,
закралась в грудь, всё тело охватила,
И жжёт, пылая жарко и бездымно,
как ветром раздуваемый огонь,
И вся трясусь, как в лихорадке злой,
и от болезни этой смертоносной
Ни мать с отцом спасти меня не могут,
ни даже ты, подруженька моя.

РАДЖАШЕКХАРА

Так всё её тело от жгучих мучений разлуки
пылает, что можно бы чашу с водой вскипятить!
Теперь уже боязно самым ближайшим подругам
коснуться её, чтобы руки свои не обжечь.
Все мази и травы бессильны... Стоим в изумленье,
тревожно глядим: так жестоко горит её грудь,
Что бусинки нити жемчужной — одна за другой —
трещат и крошатся, как будто горох на жаровне.

РАДЖАШЕКХАРА

Скользят браслеты с исхудалых рук,
встревоженно дрожат растрёпанные пряди.
Встав на обочине, она, сложив ладони,
о муже спрашивает встречного: где он?
Когда же, изумясь, внезапно понимает,
что это с ним она как раз и говорит,
Что к ней вернулся он! — сияющим цветком
к нему склоняется, светясь стыдом и счастьем.

ЧИТРАНГА

Она проходит в середину дома,
потом к дверям, потом во двор, к воротам
Идёт задумчиво: нигде не видно мужа,
давно в отъезде он... И как чудесно-грустен
Её от слёз дрожащий, юный голос:
«О дикий гусь, о милая ворона,
О резвый воробей, о пёстрый попугайчик,
кто скажет мне хоть что-нибудь о нём?..»

ДХАРМАКИРТИ

Любимый обманул, ушёл, покинул,
а вслед за ним меня покинул сон,
А вслед за сном и разум мой ушёл,
теперь, я чувствую, ушло и сердце.
Так что же ты, моя пустая жизнь,
чего ты ждёшь, злосчастная, что медлишь?
Ведь с детства ты пословицу слыхала:
— Когда уходят все, со всеми уходи!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Ах, стая журавлей — чудесная, живая
цепочка жемчугов у неба на груди,
Увидишь милого, скажи ему, скажи,
чтоб он берёг себя в пути далёком.
А я... а я охотней соглашусь
плоть изнемогшую скорее сбросить,
Как сбрасывают выцветшее платье,
чем боль разлуки столько дней терпеть.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

«Ты снова и снова обманешь! Какая цена
твоим обещаниям? В срок всё равно не вернёшься!
Ступай же!» — вскричала она и в отчаянье, в гнев
так резко взмахнула рукой, что браслеты, звеня,
Скатились с руки, исхудающей от долгой разлуки,
и всюду теперь о случившемся вести разносит
Ворона, что с криками кружит над городом нашим,
на тощую шею браслеты её нацепив.

ПУШТИКА

«Что там будто пламя, слепящее, в острых лучах,
зажглось среди тёмных небес? Что за странное чудо?
Да разве такое возможно, подруга, скажи,
чтоб вдруг среди ночи горячее солнце всходило?» —
«Дружок дорогой, да ведь это луна, а не солнце!» —
«Но разве бывает, чтоб так обжигала луна?» —
«Ах, бедная, всё кверху дном перевёрнутым станет,
когда так надолго уедет любимый супруг!»

БАККУТА

Хоть всё чаще её вопрошают подруги,
почему она вянет, как смятый жасмин,
Истомлённая долгой разлукою с мужем,
молодая стыдится об этом сказать,
Лишь старается слёзы в глазах удержать
да вздыхает, да молча свой взор устремляет
На широкую крону душистого манго,
что вот-вот расцветёт посередине двора.

РАДЖАШЕКХАРА

Она не желает подняться на кровлю дворца,
в саду не гуляет, и в тягость ей лунные ночи.
Она не заходит в узорную залу для игр,
твердит, что одежды её, словно яд, обжигают.
Почти что всё время на ложе проводит она,
устеленном листьями лотосов свеже-прохладных,
И думаю, мысли её на одно лишь глядят:
на образ твой дальний — тоской нарисованный образ.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Ты столько дней не поднималась с ложа,
 совсем заботиться не хочешь о себе,
Следить за волосами перестала,
 в один лохматый узел их стянув.
Ах, доживи хоть как-нибудь, подруга,
 до дня, когда вернётся он!.. Видала
Я многих в дни разлук, но не встречала
 среди них такой страдальцы, как ты!

МЕСЯЦ

ВАСУКАЛЬПА

Он — устроитель всех пьес на сцене любви,
он — жрец в заповедной роще Лучника-бога,
Всех женщин высший кумир, державы страстей властелин,
чья слава давно наполнила все три мира.
Ночами творит он обряды лунного света,
спит, увенчав корону великого Шивы.
Он непобедим, океаном молочным рождённый,
всех лилий озёрных Любовник сребролучистый.

РАДЖАШРИ

Не надо так печалиться, Земля,
увидишь, эта тьма недолго проживёт,
Будь веселее, лилий полный пруд,
и вы, печальные чакоры, не печальтесь, —
Вон поднимается всё выше яркий Месяц —
всего ночного мира дивный светоч,
Гора лучистая, с которой к нам текут
все реки сребролунного нектара.

ШРИКАНТХА

Месяц — красавец с длинными пальцами,
хитрый, изогнутый, красногубый,
Телом своим молодым блистая,
как ловкий бесстыдник себя ведёт:
Стыдливость и гордость девушек юных
сияньем своим размягчив, расслабив,
Их щёки целует он, плечи, глаза,
тяжёлые бёдра и нежные груди.

БХАСА

Кот, лунный свет за молоко приняв,
его пытается лакать из плошки;
Слон, видя полосы его между стволов,
за стебли их сочтя, протягивает хобот;
Красотка, думая, что это белый шёлк,
устав от ласк любви, его накинуть хочет;
Взгляни, как Месяц, красотой гордясь,
своим сиянием весь мир морочит.

РАДЖАШЕКХАРА

Взгляните туда, где изогнутый Месяц взошёл,
весь двор небес расписав сандаловой пастой,
Не правда ли, он на осколок бивня похож
слона-исполина, несущего бога Индру?
А светлый игрою своих серебристых лучей,
свисающих до земли, как жемчужные бусы,
Сейчас он подобен лукавой лампе, чтоб девы
могли прочесть посланья любимых своих.

МУРАРИ

Весь купол полночного неба окрасив шафраном,
заставив открыться все залежи лунных камней,
Красой состязаясь с чудесными лицами женщин,
является Месяц, — он держит на светлой груди
Прекрасную лань, что пасётся средь лунных долин,
хмелея от запаха трав, ей даруемых щедро
Небесными девами светлого города Индры,
когда к ней явиться с приветом решают они.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Месяц рдеет от гнева: ему обидно,
 что никчемный стыд и ложная гордость
До сих пор надеются удержаться
 в женских грудях — в пышных их крепостях,
И тогда, поднимаясь, он тянет руку
 к ясной заводи, чтобы извлечь свой меч —
Жгучий меч — полосу ярко-чёрных пчёл,
 что взлетают из кубков озёрных лилий.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Дерзкий Месяц, укравший во время заката
 алый плащ потонувшего в сумерках Солнца,
Протянул уже руку, решив потихоньку
 Деву-лотос — любимицу Солнца — обнять.
Но, почувствовав холод его, отвернулась
 Дева-лотос, и, всё это сразу заметив,
Дева-лилия — Месяца давняя страсть —
 рассмеялась, а он побледнел от смущенья.

ЙОГЕШВАРА

Так ярко блистанье лунных лучей,
белых, как молодые стебли,
Так смело с неба они бросаются,
словно проглатывая темноту
Что ночь как будто сменилась днём,
перепугались, прячутся совы,
А сонные лотосы встрепенулись
и стали свои лепестки раскрывать.

ЧЕТЫРЕ ПОЭТА

- «С луны на землю льётся молоко,
как сотни белых рек неистощимых!»
- «Кувшинки над водой вытягивают шеи,
чтоб жажду утолить небесным молоком!»
- «Земля, уставшая от всех дневных трудов,
теперь в молочном океане тонет!»
- «А брызги, что взвились над океаном,
на небе превратились в россыпь звёзд!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Яркий Месяц льёт всё щедрей свой блеск,
но, на землю упав, свет его дробится,
Будто клювами жадных чакор исклёван,
опьянённых желанным этим нектаром,
И дрожит этот чуткий свет — будто пальцы
на земле рисует узор из листьев:
Можно листьями этими лежа осыпать
юных жён, уставших от бурь любви.

БАНА

Красный знак на челе у красавицы Ночи,
лев, пригнавший громадных слонов темноты,
Чаша среброчеканная, что благовонья
льёт на Лучника-бога, владыку земли, —
Вот каков ты, о Месяц, алмаз драгоценный,
увенчавший вершину Восточной горы,
Чудо-зеркало дев, сторожащих границы земли,
ты прекрасней, чем лебедь по небу плывущий.

ГАНАПАТИ

Увидав, что восходит друг его Месяц,
океан словно вздулся с могучей силой
И гигантскою серебристой шапкой
к поднебесью полночному поднялся,
Словно жаждет сокровища он вернуть,
что похищены в древности были богами:
Нарушая зарок, в виде лунного света
он вторгается во дворцы небес.

ВАСУКАЛЬПА

Клад небесной славы, наперсник бога любви,
истребитель тьмы, украшение короны Шивы,
Эликсир из глубин Молочного Океана,
усыпитель лотосов, лилий полночный друг,
Светозарный бог, а вернее — богач небывалый,
обладатель несчётных монет красоты, а к тому же
И счастливый любовник Дакшаяни — вот каков он,
ясноликий Месяц, что покори́л весь мир.

ШАРВА

Месяц округлый, весь мир наполняющий
блеском жасминно-белых лучей,
Прекрасен, как молодая грудь,
самой красивой кашмирской девушки.
А посреди его круга пятно,
тёмное, как водяная лилия,
Напоминает узоры, что мускусом
девы рисуют себе на груди.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Если этот чудесный небесный источник,
 льющий свет-нектар, уподобить можно
Золотому лотосу в звёздном море,
 чьё побережье — западный горный кряж,
То тогда на лотосе этом пятна
 можно чёрному рою пчёл уподобить,
Жадно пьющих текучие ароматы,
 источаемые его красой.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Лунный свет разливается в небесах,
сыплет блики на лилии водяные,
Отражаясь, красит женские щёки
белым соком сахарного тростника,
Он цветёт на воде, он сияет улыбкой
на стенах свежевыбеленных домов
И танцует на ярких флажках, увидев,
как на древках трепещут они на ветру.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Зардевшийся от страсти, яркий Месяц
кладёт свою сияющую руку
На пышно-облачные груди Ночи,
её одежды тёмные раздвинув,
И, это увидав, пленительные девы,
что стерегут все стороны земли,
Лукаво и смущённо улыбаясь,
спешат сокрыться в темноте ночной.

РАДЖАШЕКХАРА

Сначала лучи восходящего Месяца были
нежнее и тоньше, чем усики у ячменя,
Потом побелели, как острые листья кетаки,
упругими стали, как стебли плавучих цветов,
Затем всё обильнее сделались и засверкали
потоком бесчисленных струй или нитей жемчужных,
Теперь же, в полуночный час, они стали похожи
на длинные, твёрдые скипетры из хрусталя.

ВАСУКАЛЬПА

Вы представьте себе, что Месяц — это паук,
а его лучи — исполинская паутина,
Он её растянул над всей громадой земною —
между кронами Западных и Восточных гор.
Можно также представить себе, что его лучи —
это лучи москитов, съедающих тьму ночную
И летающих в сумерках, словно среди ветвей
поднебесного, полного свежих бутонов сада.

В РАЗЛУКЕ С ЛЮБИМОЙ

БХАВАБХУТИ

Боль разлуки мучительно режет сердце,
но никак не разрежет его пополам,
Моё тело бредёт, как во мгле спотыкаясь,
но никак не желает сознание терять.
Пламя горя меня изнутри сжигает,
но никак мою плоть дотла не сожжёт,
Длань судьбы меня бьёт и бьёт беспощадно,
но, увы, всё никак не добьёт мою жизнь.

МУНЬДЖА

О грустный олень, ты свежей травы не щиплешь,
нигде не находишь покоя, тревожно бродишь,
Протяжно вздыхая, тоскующим диким взглядом
что-то всё ищешь, взирая по сторонам.
Уж не судьба ли тебя разлучила с подругой,
как и меня с возлюбленной разлучила?
Не потому ли ты в тщетных поисках бродишь
по этим холмам и долинам, лесам и пескам?

ПАРАМЕШВАРА

Знаю: лишь призрак её я видел,
 несбыточный, словно цветок в небесах,
А жар этой встречи ещё был обманней,
 чем призрачный запах того цветка.
Мне сон показал её милый образ,
 как лживое чудо — ловкий факир,
И всё же как страстно, с новою силой
 к объятьям её устремилась душа!

ВАРТИКАКАРА

Придёт ли день такой наконец-то,
 когда мои взоры, как жадные пчёлы,
Вдоволь напьются хмельного мёда
 её нежно-лотосного лица,
Когда мы от сладкой любовной беседы
 к чудесной игре перейдём любовной,
И вновь моё тело с желанным телом
 сплетётся, завяжется жарким узлом!

БХАВАБХУТИ

Моя любимая — всегда в моём сознание,
как будто в душу вплавлена мою,
Как будто врезана, врисована в неё
иль вставлена лучистым самоцветом,
Как будто стрелами к душе пригвождена —
пятью их пламенными остриями,
Как будто вплетена горячей нитью
в живую ткань моих тоскливых дум.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Когда б моя далёкая невеста
внезапно в озеро живое превратилась,
Лицо её — в раскрытый, светлый лотос,
глаза — в две лилии, а брови — в волны,
Тогда бы я в прохладе чистых вод —
в её пленительную нежность погрузился,
Чтоб тело остудить, горящее от боли,
от беспощадного огня моей любви.

РАВИГУПТА

Уж лучше никогда не знать любви —
не знать её весеннего цветенья,
Чем самому сломать свою любовь,
как ветку пышноцветную ломают.
Конечно, горько жить слепцом убогим —
беспомощностью мучиться своею,
Но всё же лучше быть слепорождённым,
чем зрячим, вырвавшим себе глаза!

КАЛИДАСА

Смилуйся надо мною, сон:
любимую покажи мне снова,
Хоть ненадолго, хоть на мгновение
должен я, должен её увидеть.
Увижу — и сразу с такою силой
в объятьях сожму, что уже не уйдёт,
А если уйдёт, всё равно ей придётся
взять и меня с собой!

ЗАКАТЫ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Чудится, что драгоценные руды
 плавят на склонах Западных гор
В громадных котлах, раскалённых лучами
 солнца, горящего ярым огнём,
А из-под крышек этих котлов
 клубки расплавленного металла
Вздуваются тяжко, полнеба одеv
 в блистание тканей великолепных.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Солнцелев с широко пламенеющей гривой,
как слона громадного, мглу повергнув,
Гордо в небе прошествовал — и удалился
в тьму глубокой пещеры средь Западных гор,
И сейчас же медведи ночной темноты
кровь заката бросаются жадно пить,
И рассыпались звёзды — как жемчуга,
что с чела принесённой в жертву скатились.

МАЛАЙЯРАДЖА

Мотыльки в свой вечерний полёт роковой
 устремляются — в тонкое пламя светильников.
Захмелевшие пчёлы уже не жужжат,
 задремав в цветах, лепестки смыкающих.
Наши девы-танцовщицы выйти готовятся
 и, как видно, сейчас наряжаются, красятся, —
Это явственно нам и отсюда по звяканью
 их браслетов на тонких, гибких руках.

РАГХУНАНДАНА

Солнце движется всё быстрее на запад,
и теперь на него уже легче смотреть,
Потому что горит оно всё слабей,
но зато, как китайская роза, рдеет.
А весёлые птицы всё ещё вьются,
вдоволь корма найдя в окрестных местах,
Собираясь на верхних ветвях деревьев,
где под лиственной кровлей гнёзда висят.

ВИДДУКА

Густо-чёрная тьма, не спеша, допивает
 золотые остатки закатного света.
Вот уже поутихли в гнёздах вороны,
 прекратив наконец-то свой хриплый гам.
Вот сова, осмелев, из дупла вылезает,
 и лохматая, круглая голова
Между крыльев сутулых торчит, мигая
 и крутясь, будто в ловких руках барабан.

АЧАЛАСИМХА

Солнце село у Западных гор, став красным,
как хохол у старого журавля,
Свод ночной раскрашен тьмой — почернел,
будто перья вороны хриплоголосой.
Но теперь на востоке слабеет мрак:
там восхода Месяца небо ждёт,
Бледным став, как щека шабарийской девы,
что давно с любимым разлучена.

ШРИ ДХАРМАПАЛА

Богатый торговец — День
 снова с утра перед всеми
Выставил для продажи
 свой самый лучистый камень,
Но, видно, он так и не смог
 достойной цены дождаться:
Опять самоцвет свой — Солнце
 прячет в тёмный сундук.

МАЛАЙЯВАТА

Положив свою голову — солнце
на подушку — Западный холм,
Подогнув свои руки и ноги —
четыре стороны света,
Путник усталый — День
на ложе — на край небес —
Улёгся и тьмой-одеялом
укрывается с головой.

КОММЕНТАРИИ

Амарант — один из многочисленных видов растений, относящихся к семейству амарантовых, распространенный в Юго-Восточной Азии; в индийской поэзии обычно упоминаются декоративные кустарниковые виды амаранта, отличающиеся яркой, окрашенной в различные цветовые оттенки листвой и большими, свисающими розовыми или алыми соцветиями.

Амрита — небесный напиток, дарующий бессмертие. Согласно мифологической легенде, амрита явилась последним из четырнадцати драгоценных даров, добытых богами при пахтанье Молочного Океана. Поднявшийся из океанской пучины врачеватель богов Дханвантари появился, держа в руках драгоценную чашу с амритой, — за обладание ею сразу же разгорелась борьба между богами и их противниками асурами, в которой победу одержали боги, навсегда завладевшие амритой.

Ашока (букв. «беспечальное») — высокое, вечнозеленое тропическое дерево с красноватыми листьями и оранжево-красными цветами. С давних времен почитается индусами как священное дерево. Согласно народному поверью, ашока расцветает только после того, как его заденет или ударит ногой красивая женщина, особенно если это девушка, вскоре собирающаяся выйти замуж. Индусские женщины пьют настоящую на его листьях воду, чтобы избавить своих детей от болезней.

Бакула — плодовое дерево, цветы которого отличаются приятным запахом.

Бетель — освежающее и очищающее рот жевательное вещество, изготавливаемое из орехов, листьев осо-

бого вида кустарника и небольшого количества извести. Бетель употребляют и в Индии, и в других странах Юго-Восточной Азии. При жевании бетеля губы и рот окрашиваются в ярко-желтый или красный цвет.

Бильва — одна из разновидностей дикой яблони. Брахманы-шиваиты употребляют плоды бильвы при жертвоприношениях.

Брахман — представитель высшего сословия в древнем и средневековом индийском обществе. Брахманы являлись чаще всего жрецами, совершавшими священные обряды и жертвоприношения, или наставниками, обучавшими священным писаниям. Пользовались особыми привилегиями, по старинной традиции были окружены большим почтением, хотя зачастую (как и европейские монахи) давали повод для всяческих насмешек.

Васанта — бог весны; воспевается в поэзии в облике прекрасного юноши.

Виндхья — горная цепь к югу от долины реки Ганг.

Вишну — одно из трех верховных божеств индуизма (наряду с Брахмой и Шивой), почитаемый как охранитель сотворенного Брахмой мироздания. Согласно учению вишнуитов, бог Вишну неоднократно воплощался на земле, чтобы восстановить закон и справедливость и чтобы защитить людей от злых и незаконных действий демонов-асуров. Наиболее известные земные воплощения бога Вишну: Курма (царь-черепаха), Вараха (исполинский вепрь), Матсья (огромная рыба), Нарасимха (человеколев), справедливый герой и властитель Рама, бог-пастух, победитель многих асуров Кришна, учитель новой мудро-

сти Будда, а в грядущем — грозный судия Калкин, который явится, чтобы судить всех людей в час гибели всего мироздания.

Гунджа — кустарник с ядовитыми, крупными, с виду красивыми ягодами (ярко-красными с черным пятнышком посередине). В староиндийской поэзии часто описывается, как сельские девушки украшают себя серьгами или бусами из ягод гунджи.

Гундра — вид камыша.

Двафака — древний город на западном побережье Индии (на территории современного Гуджарата), который, по легенде, был воздвигнут Кришной за одну ночь и стал столицей его государства.

Дакшаяни — дочь Дакши, одного из сыновей Брахмы.

Даманака — лиственное дерево, растущее в Северной Индии и отличающееся белым, как у березы, цветом коры.

Дандака — описанный в эпосе «Рамаяна» обширный, населенный хищниками и демонами дикий лес, куда были вынуждены отправиться в изгнание молодой герой Рама со своей женой Ситой и братом Лакшманой.

Датьюха — водоплавающая птица, распространенная в Индии разновидность небольшой утки с темно-зеленым или черным оперением и коротким плоским клювом; издает отрывистый, гортанный крик. Во многих индийских домах этих птиц держали для развлечения в клетках.

Джамбу — яблоня, которая цветет ярко-розовыми цветами, однако ее плоды, созревающие к началу сезона

дождей, отличаются темной окраской; растет в холмистых местностях. Дерево джамбу упоминается в ряде индуистских и буддийских легенд. Согласно одной из них, исполинское дерево джамбу растет на мифической горе Меру, его плоды достигают величины слона, а когда они созревают и падают на землю, из их сока образуется река Джамбу, воды которой даруют бессмертие.

Джанастхана («прибежище», «приют для людей») — название той части леса Дандака, где на берегу реки Панчавати поселился изгнанный из родной столицы герой Рама вместе со своей любимой женой Ситой и младшим братом Лакшманой.

Дхатаки — тропические деревья с яркими, кроваво-красными цветами.

Индра — царь богов, бог-громовержец, одно из древнейших божеств в индийской мифологии. В ведийские времена (II—I вв. до н.э.) почитался как самое могучее божество. В дальнейшем более почитаемой стала индуистская троица — Брахма, Вишну, Шива, а о боге Индре стали чаще всего говорить как о владыке грозы, разъезжающем по небу на грохочущей колеснице и вооруженном исполинской палицей («ваджрой»), испускающей пламенные молнии.

Кавери — река на юге Индии; берет начало на склонах Западных Гат, пересекает южную часть Декана и впадает в Бенгальский залив.

Кайласа — гора в Гималаях, к северу от озера Манаса; в индийской мифологии считается земным престолом бога Шивы и бога богатства Куберы.

Кама (*Камадэва*) — бог любви в индийской мифологии. Подобно античному Купидону, он вооружен лу-

ком и стрелами, но лук его сделан из сахарного тростника, тетива — из пчел, а пять его стрел — из цветов.

Карна — один из героев великого древнеиндийского эпоса «Махабхарата», воспеваемый за свое великодушие, правдивость и щедрость. По преданию, Карна был рожден юной царской дочерью Кунти: во время своей молитвы богу солнца Сурье, она чудодейственным образом зачала от него и тайно родила сына, после чего, по обещанию бога, ей снова вернулась девственность. В дальнейшем Кунти стала супругой великого властителя Панду и родила от него пятерых сыновей — Пандавов, из которых наиболее известен и почитаем за свою великую доблесть и святость Арджуна (герой знаменитой «Бхагавадгиты» — «Божественной песни», ставшей священной книгой индуизма).

Кетака — панданус, растение, цветущее во время сезона дождей ароматными белыми цветами серповидной формы (в поэзии часто сравнивается с бивнями слона).

Кимшука (или палаша) — дерево, расцветающее весной яркими огненно-красными цветами.

Коралловое дерево — невысокое тропическое дерево, отличающееся густой листвой, цветущее красно-розовыми соцветиями, которые затем превращаются в стручки с ярко-багряными семенами, с виду напоминающими кораллы.

Куркума — желтый порошок, изготавливаемый из высушенных корней растения того же названия; используется в кулинарии (как добавка к острым соусам), а также как краситель — в том числе в женской косметике. Душистой пастой из куркумы женщины

натирали себе тело (в частности, во время ритуального купания, происходившего в дни летних праздников).

Кханьярита — индийская разновидность трясогузки; небольшая птица с белой грудкой и черными крыльями; чаще всего упоминается санскритскими поэтами при описании осени, когда множество этих пташек появляется на песчаных речных и озерных берегах, снова выступивших из воды после разлива, вызванного сезоном тропических дождей.

Лакшми — богиня счастья, богатства и красоты, широко почитаемая индусами (ее называют также эпитетами — Шри, Падма и др.). Согласно древнеиндийской мифологии, прекрасная Лакшми явилась одним из сокровищ, добытых богами при грандиозном пахтанье Молочного Океана, и стала супругой бога Вишну — одного из трех верховных божеств индуистского пантеона. Другое мифологическое сказание повествует о том, что богиня Лакшми появилась еще при сотворении мира, всплыв из первозданных вод на лепестках огромного цветка лотоса (отсюда еще одно ее имя — «Лотосорожденная»). Ее сын — бог любви Кама (Камадэва).

Лингам (линга) — изображение фаллоса бога Шивы, являющееся объектом поклонения, издавна распространенным в индуизме. Изваянный из камня, глины или металла, лингам (порой огромных размеров) является непременным атрибутом не только шиваитских храмов, но и домашних алтарей в жилищах индусов-шиваитов.

Лунный камень — разновидность полевого шпата с голубоватым отливом. Применяется для ювелирных

изделий. Согласно народному поверию, которое часто встречается в индийской поэзии, лунный камень покрывается каплями слез при виде луны.

Мадхава — одно из имен-эпитетов божественного юноши Кришны.

Мадхава (букв. «медовое») — тропическое дерево, называемое также бассией, цветы которого употребляются в пищу и используются для приготовления вина; из семян и плодов получают масло.

Майна — небольшая певчая птица из семейства скворцовых с черным оперением и оранжевым клювом, обитающая в странах Южной Азии; как и многие скворцовые, обладает способностью имитировать различные звуки (пение других птиц, крики небольших зверей, отдельные слова человеческой речи).

Малабар — южная часть западного побережья Индостана.

Малайя — хребет на юго-западе Индии, поросший густыми лесами. «Малайский ветер» — душистый, теплый весенний ветер, несущий аромат сандаловых деревьев, является одним из распространенных в индийской лирике образов при описании начала весны.

Мандара — гора в Гималаях.

Мучакунда — дерево семейства жасминовых, цветы и кора которого используются в лекарственных целях.

Нафаяна (букв. «движущийся на водах») — эпитет Брахмы, который, согласно одному из мифов, плыл на гигантском лотосе по Мировому океану. Употребляется также и как эпитет бога Вишну, который покоится посреди Мирового океана на исполинском тысячеглавом змее Шеше.

Олеандр — вечнозеленый субтропический кустарник с узкими листьями и яркими крупными, часто махровыми цветами розовой, желтой или белой окраски.

Пампа — озеро в Южной Индии.

Парвати (букв. «Горная») — одно из имен-эпитетов супруги бога Шивы; дочь Хималая — владыки Гималайских гор. Согласно одной из легенд, Шива с такою страстной силой обнимает Парвати, что ее тело наполовину сливается с телом ее супруга (этот образ неоднократно воспроизводился в старинных скульптурах); существуют также легенды о ревности Парвати и ее ссорах с Шивой.

Пламя-дерево — см. рододендрон.

Рева — старинное название реки Нармады.

Рододендрон — распространенная в Индии разновидность этого растения представляет собой невысокие вечнозеленые деревья или кустарники с ярко-красными цветами, собранными в крупные соцветия (народное название — «пламя-дерево»).

Сандал — тропическое дерево, отличающееся душистыми цветами и светлой, твердой, ароматной древесиной; из сандаловой древесины вырезают фигурки и украшения, приготавливают мази, пасту, ароматное масло, лечашее и охлаждающее.

Ситар (ситара) — индийский струнный щипковый музыкальный инструмент; обычно снабжен двумя большими шарообразными резонаторами.

Солнечный камень (инд. сурьякант) — по народному поверью, встречающемуся и в поэзии, от прикосновения солнечных лучей из этого камня брызжут искры.

Тафага — растение с круглыми белыми цветами; их лепестки высушивали, превращали в сладко пахнущий порошок, которым женщины осыпали свое тело, как ароматной пудрой.

Тамала — вечнозеленое тропическое дерево с раскидистой кроной, отличающееся очень темной окраской листьев; растет обычно возле речных берегов.

Чакора — индийская куропатка; считается, что эта птица влюблена в луну и питается только лунными лучами, содержащими небесный нектар — амри-ту.

Чандалы — «неприкасаемые», представители самых низших каст, которым поручалась самая тяжелая и грязная работа. Поскольку многие чандалы употребляют в пищу мясо, запрещенное индуизмом, они вызвали в среде правоверных индусов особое отвращение. Малейшее прикосновение к чандале требовало от индуса, особенно от брахмана, долгих и сложных обрядов очищения.

Чатака — небольшая птица семейства воробьиных; по народному поверью, может утолять жажду только каплями дождя.

Чола — государство, существовавшее в древние и средние века в Южной Индии (на территории современного штата Тамилнаду).

Шафран — южное травянистое растение (разновидность крокуса); желто-оранжевый душистый порошок, приготовленный из его высушенных цветов, употребляется как пряность в кулинарии и как ароматизирующий компонент в парфюмерии (например, шафрановая пудра).

Шефали — разновидность жасмина с крупными белыми цветами, раскрывающимися только по ночам.

Шри — см. Лакшми.

Феникс — так называется в ботанике финиковая пальма, цветущая густыми метельчатыми соцветиями и известная своими сладкими плодами.

Ююба — колючий кустарник, разновидность крушины, к осени покрывается ярко-красными ягодами.

О СЕРГЕЕ СЕВЕРЦЕВЕ

Сергей Леонидович Северцев родился 11 октября 1924 года в Москве. В 1942 году студентом-первокурсником ушел на фронт и закончил войну в Берлине. Стихи он начал писать в детские годы, продолжал и в перерывах между боями. Еще в стенах Литературного института, где его учителями были Владимир Луговской и Павел Антокольский, молодой поэт увлекся культурой и литературой Востока и загорелся идеей сделать его ярким, красочным мир достоянием русского читателя.

Переводы поэзии стали делом жизни Сергея Северцева, он рассматривал эту работу как просветительскую миссию, с гордостью повторяя слова Пушкина: «переводчики — это почтовые лошади просвещения», а страстная увлеченность Востоком, возникшая в юности, с годами только крепла.

За свою долгую и плодотворную творческую жизнь Сергей Северцев представил русскому читателю классическую и современную поэзию народов Средней Азии и Северного Кавказа, Восточной Африки, Индонезии. Он выпустил в свет десятки сборников, среди которых переводы газелей Алишера Навои, рубаи Омара Хайяма, произведений Низами, Дурбека, Рудаки, Джами и многих других.

Особый интерес Сергея Северцева всегда вызывало эпическое наследие народов Востока. Он перевел узбекские дастаны «Рустам-хан», «Якка Акмад», «Ширин и Шакар». Одной из любимых его работ стал каракалпакский героический эпос «Сказание о Шарьяре». Его перу также принадлежат поэтические переложения старинных легенд и сказаний, вошедшие в книги «Конь, обгоняющий время», «Три сокровища», «Легенда о синем лотосе».

Сергей Северцев много путешествовал по Кавказу, республикам Средней Азии, странам арабского Востока. Но самое сильное впечатление произвела на него Индия. Впервые попав туда в конце 50-х годов, он навсегда проникся ее литературой, философией, традициями. С той поры Индия вышла на передний план в творчестве С. Северцева, он стал авторитетным знатоком этой страны, отдавал много сил укреплению русско-индийских культурных связей, к его мнению прислушивались видные специалисты-индологи.

В своей московской квартире Сергей Леонидович собрал большую коллекцию предметов индийского искусства, быта, народного творчества.

Результатом его трудов явились переводы, составившие антологические сборники «Голоса индийских друзей», «Огненные стрелы», «Молнии и лотосы», «Радуга над Гангом», «Колесница солнца», «Праздник огней» и многие другие. Он перевел главы из древнеиндийского эпоса «Рамаяна», стихи знаменитых средневековых поэтов Видьяпати, Тулсидаса, Сурдаса, классика литературы XX века Рабиндраната Тагора.

Сергей Леонидович не мыслил себя без работы. Буквально до последнего своего часа он трудился над переводами древнеиндийских миниатюр, которые и составили книгу «Радости любви».

Сергей Северцев ушел из жизни 12 июля 1991 года. Уже после его кончины Международным центром Рерихов был издан том обширных фрагментов великого индийского эпоса «Махабхарата» в его переводе, а издательством «Янтарный сказ» выпущено собрание лирики Видьяпати.

ЧАРУЮЩИЕ СТРОКИ

Древнеиндийская классическая лирика, зародившаяся в первых веках нашей эры, и сегодня не утратила своей поэтической ценности. Тысячи миниатюр на санскрите сосредоточены в средневековых индийских антологиях.

Основой данной книги явилась считающаяся одной из лучших подобных антологий «Сокровищница изящных стихов» («Субхашита-ратна-коша»). Она была составлена буддийским монахом-ученым Видьякарой, жившим в конце XI века в монастыре Джагаддала, развалины которого сохранились и по сей день в Северо-Западной Бенгалии. В это собрание вошли миниатюры V—XI веков, приписываемые примерно двумстам поэтам (зачастую без подписи). Миниатюры сгруппированы в тематические циклы — от религиозно-мифологических до интимно-любовных.

Конечно же, охватить все это сюжетное многообразие невозможно, поэтому отобраны лишь стихи, посвященные бессмертной теме любви и неразрывно связанной с ней вечно обновляющейся природы, представляющие, пожалуй, наибольший художественный интерес.

Избранные образцы старинной индийской лирики смогут дать читателям представление о ее своеобразии и литературных достоинствах — прежде всего яркости колорита, богатстве, смелости и необычности метафор.

Собравший эту россыпь стихотворных миниатюр монах Видьякара так писал о своем труде:

Я решил сокровищницу создать
из чарующих строк драгоценных —

Лучших строк, что творили много веков
вдохновенные песнетворцы,
Дивных строк, что звучали в кругу знатоков,
голоса их не раз украшая,
И кивали великие мудрецы
одобрительно и благосклонно.

Поэт Сергей Леонидович Северцев (1924—1991) сумел передать в своих переводах шедевров из антологии Видьякары неувядающую лирическую силу древних текстов. Книга оформлена рисунками отца поэта — художника Л. Е. Фейнберга.

Ю. Цветков

СОДЕРЖАНИЕ

Знаки счастья любовного	5
Заря	19
Юность	35
Молодые красавицы	53
Весна	71
Любовь расцветает	89
Дожди	127
Слова посланницы	153

Тайны сердец	171
Лето	197
Женские обиды	211
В разлуке с любимым	221
Месяц	235
В разлуке с любимой	257
Закаты	267
Комментарии	277
О Сергее Северцеве	289
Ю. Цветков. Чарующие строки	293

Р15 Радости любви / Древнеиндийская лирика в переводах Сергея Северцева. — М.: Время, 2007. — 304 с.: ил. — (Триумфы).

ISBN 978-5-9691-0241-5

Любовь — одна из вечных тем, но она не может быть исчерпанной, не способна наскучить. А древняя индийская традиция, гармонично соединяющая высокие чувства и изящную эротику, неизменно привлекает европейского читателя. Изысканные и ироничные, эротичные и трогательные, драматичные и забавные санскритские любовные миниатюры, хоть и созданы больше тысячелетия назад, поражают свежестью, яркостью колорита и поэтичностью.

Признанный мастер переводов восточной поэзии Сергей Северцев (1924—1991) сумел передать неувядающую лирическую силу старинных текстов.

ББК 84(0)4

Литературно-художественное издание

Серия «Триумфы»

РАДОСТИ ЛЮБВИ

*Древнеиндийская лирика
в переводах Сергея Северцева*

Редактор
Татьяна Тимакова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Подписано в печать 15.06.2007.

Формат 70×90 1/32.

Бумага для ВХИ. Гарнитура New Journal.

Печать офсетная.

Тираж 1500 экз. Заказ № 484.

«Время»

115326, Москва, ул. Пятницкая, 41

Телефон: +7(495) 959 55 43

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

ISBN 978-5-9691-0241-5

